

ГОДЪ XXXVIII.

Еженедѣльное
изданіе.

октября 29-го 1906 г.

Подписная цѣна: безъ до-
навки на годъ 3 р. 50 к., на
полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
од. мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп.
Продаются повсѣхъ кіоскахъ
города Москвы.

№ 43.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.
Епархіальный домъ, редакція
«Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за
строку или мѣсто строки: за 1
разъ 15 к., за 2 раза 25 к., за
3 раза 30 коп., на годъ—по осо-
бому условію.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвя-
щеннѣйшій Владиміръ, Митрополитъ Москов-
скій и Коломенскій, 26 сего октября прибылъ
изъ Петербурга въ Москву.

За «человѣка».

„Человѣчество все идетъ впередъ, а человѣкъ остается
все такой же“ ¹⁾. Человѣчество, какъ собирательная сила,
можетъ устроить свои житейскія отношенія, оно можетъ

¹⁾ Гёте.

ставить себя въ зависимость отъ знаній, опыта, оно можетъ надѣяться на знанія и науки, но при всемъ томъ за человѣчествомъ всегда стоитъ „человѣкъ“ въ его высшемъ значеніи. Этотъ „человѣкъ“ сильный, могучій. Въ глубинахъ его духа и въ эпохи общаго распада неутомимо дѣйствуетъ живое религіозное чувство...²⁾). За этого „человѣка“ воскликнулъ нѣкогда блаж. Августинъ: „Господи, Ты сотворилъ насъ по образу Твоему, и наше сердце не успокоится, пока не обрѣтетъ мира въ Тебѣ“... И никакой матеріальной успѣхъ, никакія соціальныя побѣды не уничтожатъ „человѣка...“ Пусть социализмъ признаетъ въ исторіи человѣчества господство одного только экономического начала. Пусть въ угоду этому началу и общество увлекается вопросомъ земного благополучія... Но въ сердце каждой отдѣльной личности стучатся и проторгаются иные запросы—запросы духа, запросы религіи. Религія,—и въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ христіанство,—не покрывало и уборъ, какъ думаютъ о ней, но это потребность сердца. „Евангеліе,—какъ справедливо замѣчаетъ Гарнакъ,—стоитъ выше всѣхъ соціальныхъ и психологическихъ контрастовъ: въ душѣ каждаго оно отыскиваетъ себѣ такой уголокъ, который не затрагиваютъ никакія настроенія...“³⁾). Въ этихъ безспорныхъ положеніяхъ кроются основанія, которыя даютъ возможность не опасаться за будущее христіанской религіи, за цѣлость и несокрушимость ея основъ, которыя такъ пытаются, иногда, подорвать, въ безсильной борьбѣ съ „человѣкомъ“ тѣ, кто надѣются устроить свою жизнь на однихъ экономическихъ началахъ... Современныя нападки на Христа, даже самая ненависть ко всему, что такъ или иначе привязано къ Его имени—все это показываетъ, какъ могучъ Его образъ, какъ властно господствуетъ Онъ надъ умами и сердцами людей, какъ не безразличенъ Онъ тѣмъ, которые поютъ христіанству погребальныя гимны...

И новые вожди человѣчества по пути экономического

²⁾ Карлейль.

³⁾ Сущность христіанства. Общія положенія, выставленныя здѣсь нами, и взяты изъ этого, только что переведеннаго на русскій языкъ, сочиненія, которое въ частностяхъ представляетъ не мало интереснаго.

благополучія хорошо понимаютъ, что доколѣ живъ „человѣкъ“, доколѣ въ глубинѣ его духа скрываются неизгладимые запросы религіи, доколѣ онъ сознаетъ свои религіозныя обязанности и свой нравственный долгъ, дотолѣ экономическія начала не могутъ подчинить его себѣ, дотолѣ онъ не можетъ быть дѣятельнымъ сторонникомъ преобразованія общественной жизни на началахъ довольства внѣшнимъ благополучіемъ... За „человѣка“ справедливо опасаются, что онъ, увлекшись на минуту социалистическимъ раемъ, снова можетъ отказаться отъ него, когда потребуетъ вытравить изъ души религіозную вѣру, когда во имя общаго блага придется забыть свою личность, когда нравственность будутъ опредѣлять, какъ продуктъ однихъ социальныхъ отношеній и когда она все же настойчиво заговоритъ о себѣ изъ глубины самосознающей личности.

И вотъ, руководимые яснымъ пониманіемъ существа дѣла, проповѣдники безпечальнаго существованія человѣчества внѣ началъ религіи а нераздѣльно съ ней и нравственности, призывающіе всѣхъ людей къ служенію общему благу до самозабвенія личности, открываютъ борьбу съ „человѣкомъ“. Они уже менѣе проповѣдуютъ теперь общія положенія своихъ экономическихъ теорій, а, угадывая настроенія отдѣльныхъ лицъ, стараются подавить личность... Отсюда новая проповѣдь вѣрующимъ людямъ, отцамъ, матерямъ, дѣтямъ и трудящемуся классу — всѣмъ въ отдѣльности.

Зная, какъ дорога человѣку религіозная вѣра, болѣе осторожные социалисты, съ существа дѣла отрицая религію, свидѣтельствуютъ о своемъ „уваженіи“ къ ней... „Будущность вѣры въ Бога,—разсуждаютъ они ⁴⁾),—сведется на нѣтъ, но самую религію мы должны уважать какъ культурно-историческое явленіе“. „Духовенство, опасющееся потери своего вліянія на рабочихъ, старается внушить имъ, что религія и социализмъ несовмѣстимы, но цѣль социаль-демократической партіи не въ проповѣди новой религіи, или невѣрія, но въ содѣйствіи экономическому преобразованію общества“ ⁵⁾). Вотъ образецъ тон-

⁴⁾ Напр., Антонъ Панковъ. Религія и социализмъ. 1906 г.

⁵⁾ Ibid.

кой борьбы съ „человѣкомъ“, съ его религіозной настроенностію... Вѣра въ Бога „условна“ и въ то же время заслуживаетъ „уваженія...“ Напрасно „духовенство боится за потерю своего вліянія, потому что соціаль-демократія не проповѣдуетъ невѣрія“ и въ то же время „экономическое преобразование общества“, котораго домогаются соціаль-демократы, должно подчинить личность обществу и уничтожить запросы ея духовной природы... Какая тонкая софистика!..

Также осторожно ведется борьба и съ требованіями нравственного долга... Нравственность *должна быть*, но эта „нравственность должна основываться на научномъ изслѣдованіи капитализма...“ И для этой нравственности совѣмъ не нужна „помощь чистыхъ духовъ, которую ей обѣщаютъ изъ потусторонняго міра...“⁶⁾ При этомъ для этого вывода потребовалось разбить всѣ наиболѣе извѣстныя системы нравственной философіи съ Кантомъ во главѣ... И всѣмъ имъ достается, не исключая, разумѣется, и Канта... И уваженіе нравственности, и, для большей фундаментальности, полемика съ Кантомъ!.. Все что угодно!..

И такъ во всѣхъ областяхъ! Не забыты при этомъ, какъ мы сказали, отцы, матери и дѣти. Напримѣръ, въ серіи брошюръ Горбунова-Посадова (соч. Лакомба, Вентцеля, Клечковскаго) родителямъ и воспитателямъ дается совѣтъ предоставить дѣтей самихъ себѣ, отказаться отъ своего авторитета, отъ религіознаго воспитанія, а дѣтямъ—не подчиняться руководящей и направляющей ихъ волѣ...

Обращаясь къ матерямъ и призывая людей „къ свѣту“, борцы за рай земной выводятъ типъ матери, прижившей ребенка съ своимъ любовникомъ, матери болѣзненной, страдающей отъ общей неурядицы и не имѣющей въ себѣ ни одной положительной черты, кромѣ любви самки къ своему дѣтенышу⁷⁾.

Словомъ цѣлая серія брошюръ теперь направлена на борьбу съ „человѣкомъ“ съ его религіозными и нравственными обязанностями.

И посмотрите, какъ дѣятельно ведется эта борьба,

⁶⁾ Каутскій. Наука, жизнь и этика. 1906.

⁷⁾ Мать. Измайлова.

какъ услужливо и какъ дешево предлагаются читающей публикѣ новинки по социальнымъ вопросамъ. Такъ, на- примѣръ, книгоиздательство „Святель“ въ только что выпущенной брошюрѣ „За книжкой“⁸⁾ зоветъ всѣхъ рас- пространять среди народа „книжки“, предупредительно указываетъ средства къ ихъ распространенію, высчиты- ваетъ барыши отъ ихъ продажи и даже прилагаетъ обра- зецъ прошенія къ губернатору о дозволеніи продавать въ народѣ новую „литературу“. Прилагается здѣсь и ката- логъ новыхъ книгъ, газетъ, журналовъ. Указаны книго- издательства, какъ, на примѣръ, „Молодая Россія“, „Но- вое Товарищество“, „Народная Бесѣда“, „Земля и Воля“ и т. п. въ этомъ родѣ... И все это направлено противъ „человѣка“. Во всемъ этомъ ни слова за цѣлость рели- гіозной вѣры, за нравственныя обязанности...

Понятно, въ виду этого, какъ настоятельна нужда въ выясненіи значенія въ исторіи христіанской куль- туры *личности*, за которую ратовали многіе почтенные русскіе философы, какъ благовременна борьба за „чело- вѣка“, за цѣлость его религіознаго и нравственнаго міро- созерцанія, за цѣлость того „непокупнаго“, котораго не замѣнить никакой экономической успѣхъ.

Какъ слышно, духовенство нѣкоторыхъ епархій оза- бочено составленіемъ каталоговъ и подборомъ книжекъ, желанныхъ для народа. Все это понятныя заботы. Здѣсь не вопросъ политики, а вопросъ цѣлости религіозно-нрав- ственнаго міросозерцанія пасомыхъ. Здѣсь вопросъ о борьбѣ за „человѣка“, у котораго настойчиво сияются исторгнуть душу...

Д. Введенскій.

Слово на день 17 сентября за всенощнымъ бдѣніемъ.

Что означаетъ, братіе, сіе торжественное собраніе вѣрую- щихъ въ храмѣ семь? Почему нынѣ такое благолѣпіе храма сего? Потому, братіе, что нынѣ храмъ сей празднуетъ день памяти св. мученицъ: Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи,—муче-

⁸⁾ № 2, 1906 г.

ницъ, которымъ посвященъ храмъ сей. И, празднуя сей день, Церковь Христова призываетъ молящихся къ благоговѣйному почитанію и празднованію его, къ единенію нашихъ сердець и нашихъ мыслей въ сей свѣтлый и радостный день въ томъ назиданіи, какое даетъ намъ празднованіе сего дня. Храмъ Божій имѣетъ весьма важное религіозное и нравственное значеніе въ жизни христіанина. Храмъ Божій есть мѣсто и средоточіе, куда устремлены все религіозныя мысли и чувства вѣрующаго, гдѣ онъ отдыхаетъ душою отъ житейскихъ волненій и скорбей, гдѣ онъ преимущественно обращается къ Богу и св. угодникамъ Его съ молитвою о прощеніи грѣховъ своихъ, о помощи въ скорбяхъ и болѣзняхъ. Въ храмѣ Божіемъ христіанинъ открываетъ Богу глубочайшіе тайники своей души, свое сердце и несетъ Ему свои вопли и молитвы. Здѣсь, въ храмѣ, онъ преимущественно получаетъ благодатную силу св. Духа, возрождающую его въ жизнь вѣчную и освящающую все важнѣйшіе моменты въ его жизни, начиная съ первыхъ дней его жизни до послѣдняго вздоха. Въ семь кладбищенскомъ храмѣ вѣрующіе изливаютъ свою скорбь о дорогихъ и близкихъ усопшихъ, прося Бога о прощеніи имъ грѣховъ и о ниспосланіи имъ въ будущей жизни вѣчнаго блаженства. Въ семь храмѣ они духомъ своимъ соединяются съ душами усопшихъ рабовъ Божіихъ, здѣ лежащихъ,—больше, чѣмъ гдѣ-либо,—чувствуютъ ихъ духовное присутствіе и духовную близость съ ними, осѣняемую молитвами и благословеніями Церкви. Чему же научаетъ насъ, братіе, нынѣшній день, день памяти св. мученицъ: Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи? Онъ научаетъ насъ, братіе, истинному служенію Богу и ближнему въ духѣ христіанскомъ.—А это служеніе есть *подвигъ мученичества*, подобно тому, какъ служили Богу и терпѣли мученія за Христа св. мученицы: Вѣра, Надежда, Любовь и мать ихъ Софія. *Ты же злопостражди, яко добръ воинъ Христовъ*, говоритъ ап. Павелъ. Истинная жизнь христіанина есть всегда мученичество и борьба, скажу, великое мученичество, великая борьба. Много враговъ у христіанина, съ которыми ему приходится бороться. Первый врагъ есть его собственная душа, въ которой человѣкъ чувствуетъ болѣе сильное влеченіе ко злу, чѣмъ къ добру. Чувственныя страсти и страсти духовныя живутъ въ человѣкѣ, неустанно влекутъ его къ себѣ подъ разными заманчивыми предлогами, искусно плетутъ свои сѣти, въ которыя такъ легко могутъ попадать неопытные въ духовной жизни люди.

Животные инстинкты, врожденные человѣку и не подчиненные требованіямъ разума, требуютъ себѣ слѣпago удовлетворенія; духовныя страсти: гордость, тщеславіе, корыстолюбіе, зависть, злоба, ищутъ себѣ пищи, влекутъ къ себѣ человѣка, и много нужно христіанину борьбы, нравственнаго труда для того, чтобы преодолѣть и побѣдить въ себѣ эти страсти... Св. мученицы: Вѣра, Надежда и Любовь были отроковицы совѣмъ еще юныя; много соблазновъ и искушеній, свойственныхъ юности, пробуждалось въ ихъ душѣ, но онѣ сумѣли побороть ихъ въ себѣ. Нечестивый царь язычникъ склонялъ ихъ къ отказу отъ христіанства и къ принятію язычества, къ принесенію языческой жертвы идоламъ, обѣщая имъ разныя блага и удовольствія въ жизни, но ничто не могло поколебать ихъ горячей сердечной вѣры въ Господа І. Христа и склонить на сторону язычества... Такъ юныя отроковицы сумѣли сохранить въ себѣ духовную силу и крѣпость, сумѣли побороть въ себѣ всѣ страсти къ житейскимъ благамъ, которыя разжигалъ въ нихъ мучитель, и остались вѣрными своему Небесному Жениху, Господу І. Христу. И Церковь Христова, въ день памяти этихъ св. мученицъ, призываетъ и насъ, братіе, къ такой же мужественной борьбѣ съ нашими страстями и похотями, живущими въ нашей душѣ, такъ какъ эти страсти дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на нашу душу, губятъ ее и отталкиваютъ ее отъ Христа. У христіанина есть орудіе и средства для борьбы съ этими страстями. Это благодатныя силы св. Духа, которыя можетъ онъ воспринимать въ свое сердце, очищенное покаянiемъ отъ всякой скверны плоти и духа, и которыя могутъ въ корнѣ, при глубокой вѣрѣ его въ Господа І. Христа,—побѣдить самый грѣхъ... Но и помимо нравственныхъ страданій,—нравственной борьбы съ заманчивыми соблазнами и искушеніями, св. мученицы потерпѣли мученія тѣлесныя, которыя съ ужасною жестокостью изобрѣталъ для нихъ мучитель, языческой царь. Молодыя, прекрасныя душею и тѣломъ отроковицы подвергаются ужаснымъ пыткамъ. И только вѣра въ Господа І. Христа, горячая сильная вѣра и благодатная сила св. Духа, снисшедшая на нихъ, могла помочь имъ терпѣливо, безъ ропота и безъ измѣны Христу,—перенести эти страданія. Языческой міръ не могъ равнодушно видѣть христіанъ и мириться съ ихъ высокою, духовною, чистою жизнью. То, что было премудрымъ въ христіанствѣ, казалось безуміемъ въ глазахъ язычниковъ. Высокая святая жизнь христіанъ съ ихъ цѣломудріемъ, съ

ихъ нравственною крѣпостью и устойчивостью, съ ихъ горячею вѣрою въ Господа І. Христа, съ ихъ самоотверженнымъ, сердечнымъ служеніемъ ближнему, съ готовностью положить за нихъ душу свою,—казалось непонятною язычникамъ съ ихъ страстью къ разнообразнымъ жизненнымъ благамъ,—съ ихъ развращеннымъ до тонкости умомъ и вкусами, съ ихъ богатствомъ и виѣшнею могучею силою. Скромность, простота и даже бѣдность обстановки христіанской жизни, въ особенности духовная сила и величіе христіанъ,—возбуждали одну только ярость и ненависть въ язычникахъ. И вотъ эту горячую вѣру, эту стойкость христіанъ въ нравственныхъ началахъ языческіе цари хотѣли поколебать мученіями,—тѣлесными страданіями. Такъ и въ жизни истиннаго христіанина, міръ, окружающій его и живущій по другимъ началамъ жизни, и враждебно относящійся къ нему готовъ изобрѣтать всевозможныя мученія и пытки нравственнаго рода для того, чтобы заставить его отречься отъ своей вѣры и нравственной стойкости. И христіанину нужно много мужества, много духовныхъ силъ, много терпѣнія, чтобы преодолѣть все эти мученія, ему наносимыя, и выйти изъ нихъ побѣдителемъ. Христіанину нужно здѣсь запасться духовною силою, чтобы не измѣнить своему знамени и до конца исполнить свой подвигъ. Въ этой-то борьбѣ съ соблазнами и искушеніями этого міра, съ собственными страстями, возникающими и разгорающимися въ нашей душѣ, съ нравственными пытками, которыми можетъ преслѣдовать христіанина міръ—и *заключается тотъ подвигъ христіанскаго мученичества*, къ которому призываетъ насъ св. Церковь въ день памяти св. мученицъ: Вѣры, Надежды, Любви и Софіи. И долгъ христіанина итти навстрѣчу этому призыву Церкви и мужественно совершать великое дѣло спасенія своей души, при всѣхъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ бы ни не находился онъ. Только въ исполненіи этого мученическаго долга въ борьбѣ съ своими страданіями и похотями, въ мужественномъ перенесеніи всѣхъ невгодъ и страданій, которымъ подвергаетъ его міръ,—христіанинъ можетъ сохранить свою духовную силу христіанской вѣры и зажечь огонь этой вѣры въ сердцахъ многихъ другихъ людей, подобно тому,—какъ древніе христіане своими мученіями зажигали огонь вѣры въ сердцахъ многихъ язычниковъ и привлекали ихъ ко Христу.

Но почему св. мученицы: Вѣра, Надежда, Любовь и Софія такъ терпѣливо и мужественно, несмотря на свой юный возрастъ,

перенесли всё страданія, которымъ подвергаль ихъ царь-мучитель? Потому, что благочестивая мать ихъ Софія сумѣла вложить имъ въ умъ и сердце прочныя сѣмена христіанской вѣры, и христіанской жизни, потому что ея вліяніе на этихъ отроковицъ было великое и сильное. Юныя сердца воспріимчивы ко всякимъ вліяніямъ; они, какъ воскъ, отпечатлѣваютъ на себѣ настроеніе и духъ той среды, въ которой живутъ. И св. мученица Софія съ раннихъ лѣтъ, еще съ дѣтства, заронила въ своихъ дѣтяхъ искру страха Божьяго, искру вѣры во Христа и правила нравственно-христіанской жизни. И съ этимъ богатымъ духовнымъ запасомъ вѣры и любви христіанской, св. мученицы предстали на судъ мучителя и показали себя славными послѣдовательницами Господа І. Христа. Господь І. Христосъ и все Его ученіе не были для нихъ чѣмъ-то отвлеченнымъ, какою-то далекою истиною; нѣтъ, Христосъ былъ дорогъ для ихъ сердца. Онъ былъ для нихъ драгоценнымъ сокровищемъ, духовною жемчужиною, скрытою въ ихъ сердцахъ, могущею духовною силою, возлюбленнымъ Небеснымъ Женихомъ, Которому онѣ принесли всю свою жизнь, и ради Котораго перенесли всё мученія. И св. Церковь, напоминая намъ о семъ христіанскомъ вліяніи св. Софіи на ея дѣтей, призываетъ и насъ, братіе, къ приобрѣтенію такового же вліянія на тѣхъ, кто неопытенъ еще въ духовной жизни. И, въ частности, обязанность родителей заключается въ томъ, чтобы въ юныя сердца дѣтей своихъ заронить еще съ дѣтства этотъ огонь христіанской вѣры и нравственности, чтобы положить прочныя основы христіанской жизни, которыхъ бы не могло поколебать ничто въ жизни, чтобы, выйдя на дорогу жизни, встрѣтись съ соблазнами и искушеніями жизненными, дѣти могли сохранить неповрежденную свою вѣру въ Господа І. Христа и свою нравственность. Тогда бы не было безвольныхъ, слабыхъ по христіанскимъ устоямъ людей, готовыхъ измѣнять Господу І. Христу ради жизненныхъ благъ и наслажденій и тратить на нихъ всё силы и способности своей души.

О, Господи Іисусе Христе. Молитвами св. мученицъ Софіи и трехъ ея дочерей: Вѣры, Надежды, Любви,—даруй намъ силы для достойнаго прохожденія нами пути христіанскаго! Зажги въ насъ пламень вѣры въ Тебя, какъ Спасителя міра; даруй намъ силу надежды на Тебя, какъ на Источника всякихъ благъ, и пробуди въ насъ любовь къ Тебѣ, какъ къ Единому источнику всякой истины и всякаго добра. Аминь.

Свящ. *Георгій Богословскій.*

Первые шаги.

(Продолженіе—„Наканунѣ священства“—изъ воспоминаній сельскаго священника).

На другой день послѣ посвященія рано утромъ пробирался я по пустымъ еще улицамъ на подворье къ литургіи и затѣмъ представиться къ преосвященному. Обѣдню стоялъ сосредоченно, молящихся было мало, но пѣли стройно, служили истово. Душа была раскрыта для молитвы, и не замѣтилъ я, какъ отошла литургія... Съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца сидѣлъ я потомъ въ приѣмной, дожидаясь своей очереди. Первый разъ въ жизни приходилось стать лицомъ къ лицу съ архіереемъ въ частной бесѣдѣ,—что-то скажетъ мнѣ владыка? невольно думалось... Наконецъ позвали. Владыка узналъ меня, взглянулъ такъ привѣтливо: „гдѣ же сегодня служили?“ спросилъ онъ, благословляя меня. „Нигдѣ... Владыка...“ отвѣтилъ я, густо покраснѣвъ: неожиданный вопросъ заставилъ меня встрепенуться... Я очень почувствовалъ свою оплошность... „Развѣ вы не знаете, что ставленнику послѣ посвященія слѣдуетъ служить нѣсколько дней неопустительно?...“ Я положительно не зналъ куда дѣться отъ стыда и досады на самого себя... Какимъ образомъ я не подумалъ о столь простомъ и въ тоже время важномъ обстоятельстве? Что же мнѣ никто не подсказалъ? Владыка продолжалъ на меня вопросительно серьезно смотрѣть. „Негдѣ было“ уже шепотомъ отвѣтилъ я. Въ сущности сказалъ правду, но вышло неумно. „Ко мнѣ бы на подворье пришли съ вечера“, замѣтилъ онъ. Я молчалъ и всею душою чувствовалъ необходимость быть сообразительнѣе въ будущемъ.

Ну, гдѣ желаете учиться, подѣ чьимъ руководствомъ? Я назвалъ село и имя родственника-священника. Владыка сѣлъ, быстро подписалъ бумагу и благословилъ меня. Въ свою очередь я теперь вопросительно смотрѣлъ на него и ждалъ архипастырскаго слова, наставленія. „Идите же съ Богомъ...“ прервалъ онъ тягостное молчаніе. Я поклонился и грустный, точно пришибленный, поплелся къ выходу. Обидѣлся на мою оплошность, неужели же ничего не хотѣлось ему сказать мнѣ въ напутствіе, когда-то еще придется встрѣтиться?.. мелькало въ головѣ, когда я растерянно шелъ, заплетаясь въ непривычной еще рясы. Родные замѣтили мою задумчивость, очень разспрашивали что со мною, но я такъ и затаилъ грустное, но памятное мнѣ происшествіе... Облегченно вздохнулъ я только за городомъ, когда уже поѣздъ

мчалъ меня въ деревню, въ окна врвался ароматный воздухъ весны, здѣсь и тамъ мелькали зеленыя долины и лѣса залитые солнечными лучами. Скорѣй, скорѣй съ глазъ шумный, душный, суетный городъ. Скорѣе въ эту родную деревню, гдѣ такъ все мило, привычно, свободно.

Ученье мое подѣ руководствомъ родственника было, что называется, только для славы; на самомъ дѣлѣ я предоставленъ былъ въ дѣлѣ практическаго приготовленія къ священству самому себѣ. Требъ не случалось, литургіи служилъ, но въ будни обычно въ пустой церкви, съ крайне неумѣлымъ, небрежнымъ псаломщикомъ и діакономъ, отъ котораго отдавало каждое утро похмельемъ и нюхательнымъ табакомъ. Невольно при такой обстановкѣ въ душѣ рядомъ со свѣтлыми, восторженными порывами, пробѣгали холодныя струи и грустныя нотки. Порою очень хотѣлось душевно побесѣдовать о многихъ сторонахъ священнической службы, но не съ кѣмъ было. Родственникъ мой былъ человѣкъ очень положительный, вѣчно чѣмъ-нибудь занятый, разныя „изліянія“ не любилъ и „возвышенные разговоры“ считалъ плодомъ досужей фантазіи. Я тогда же сильно пожалѣлъ, что не попросился подѣ руководство къ отцу, правда это было далеко, но тамъ обстановка была и болѣе родная, и болѣе соотвѣтствующая моему настроенію. А теперь, когда воспроизвожу пережитое, очень сожалею, что у насъ нѣтъ при архіерейскихъ домахъ, или кафедральныхъ соборахъ особыхъ, испытанныхъ руководителей ставленниковъ въ ихъ первыхъ шагахъ священнической службы. Очень много значилъ бы такой руководитель въ послѣдующей дѣятельности молодого священника. Расположить батюшку къ истовому богослуженію, сообщить пристойныя манеры, пріучить къ выразительному произношенію возгласовъ, молитвъ, практически ознакомить съ уставомъ, это такъ необходимо и благотворно, что положительно недоумѣваешь: почему до сихъ поръ такъ равнодушны у насъ къ первому практическому наученію ставленниковъ? А происходитъ отъ этого равнодушія нѣчто печальное. Молодые батюшки сплошь да рядомъ являются на приходъ безъ всякаго умѣнья прилично служить и обращаться съ уставомъ, семинарскіе и даже академическіе дипломы очень плохіе въ данномъ случаѣ бываютъ помощники, и приходится имъ на первыхъ порахъ вмѣсто того, чтобы сразу стать на положеніе пастыря-молитвенника, краснѣть предъ псаломщикомъ, конфузиться предъ мужичками, правда къ счастью нашему пока очень

къ намъ снисходительными. Первыя впечатлѣнія очень отзываются на пастырскомъ авторитетѣ и народу бывають памятны.

Чувствуя, что бесплодно будетъ въ данной обстановкѣ мое дальнѣйшее обученіе, я очень обрадовался, когда, по благословенію родственника узрѣлъ на своей „подначальной“ надписи: „въ богослуженіи достаточно навѣкъ и къ самостоятельной службѣ можетъ приступить“, а по милости владыки заолучилъ и ставленную грамоту.

Вдвойнѣ радъ былъ и тому, что такая двойная милость мнѣ давала возможность начать службу въ приходѣ съ радостнаго праздника—Троицына дня.

Начались сборы къ переѣзду на окончательное жительство въ приходъ. Жена предполагала поѣхать по желѣзной дорогѣ, а я предпочелъ отправиться съ возами. Путь былъ неблизокъ: версть 50, но такъ хотѣлось послѣ всей, только что пережитой, суеты, тревоги, послѣ постоянного общества людей и родныхъ и знакомыхъ побыть одному съ самимъ собою среди этой чудной, весенней природы.

Сначала, какъ-то непривычно было выступать цѣлымъ караваномъ: доселѣ путь среди лѣсовъ, долинъ мнѣ былъ знакомъ самый легкій и свободный, пѣшковой, а теперь вдругъ цѣлыхъ три воза, на переднемъ возышалась корзина съ курами, а за заднимъ уныло плелась пестрая коровка, точно ей жаль было покидать края, поля родные. Я и мои спутники: возчикъ и старуха прислуга, благополучно устроившись на возахъ, свѣсивъ ноги съ передковъ, тронулись въ путь, напутствуемые пожеланіями чуть ли не всего села, сбѣжавшагося полюбоваться на диковинное зрѣлище „какъ поповъ зять перебирается на свое жительство“...

Сердце радостно забилося, когда мы очутились за селомъ. Кругомъ было такъ славно. Небо точно бирюзовое, безоблачное, таинственное, глубокое; серебристыя росинки еще мелькають на душистомъ лугу, соловей что-то приумолкъ, а разныя пташки такъ и заливаются. Вѣтеръ дышетъ въ лицо тепломъ и ароматомъ. Кругомъ и всюду стелется зеленый покровъ весны. Какъ хорошо это утро года, и я переживаю утро жизни своей... Мысли потекли, мечты обвивали ихъ радужными красками, сердце трепетало отъ восторга, душа моя чувствовала, какъ вливается она въ родную, желанную струю...

Въ попутныхъ селахъ и деревняхъ нашъ караванъ возбу-

ждалъ любопытство. Смотри-ка, слышалось то и дѣло, какой батюшка-то молоденькій... А одинъ мужичекъ рѣшительно отказывался признать во мнѣ іерея. „Какой это батюшка? Совсѣмъ безусый, поди чай въ дьякона только постригли...“ На крыльцѣ одного священническаго дома подъ предводительствомъ самого хозяина высыпала цѣлая группа гостей и долго провожала насъ взорами. Чувствовалось, что даль я имъ пищу для разговоровъ своимъ появленіемъ. Несомнѣнно меня узнали и взвѣшивали теперь всѣ обстоятельства, выгоды и невыгоды моего поступленія, женитьбы и проч. Грѣшнымъ дѣломъ падки иногда бываемъ мы, духовные на подобные разговорцы. Порою вслушиваясь, или даже принимая участіе въ нихъ, вдругъ задумаешься и ясно, ясно станеть вся пустота, и мелочность подобныхъ разговоровъ. Стыдно станеть, покраснѣешь, что тратишь дорогія минуты на „суетную молву“... И сколько такихъ минутъ въ жизни-то утечетъ бесплодно. Суетною покажется тогда и самая мысль о собраніяхъ, объ общеніяхъ, рѣдко они какъ-то удаются, чаще протекають за разными злободневными вопросами, а иногда, увы! и за карточками, за выпивкой. Но вотъ потянулся высокій, стройный, темный лѣсъ; дорога лѣсная по обычаю убійственная, сидѣть на возу крайне неудобно; я, впрочемъ, не замедлилъ слѣзть и углубился въ чащу лѣсную... Здѣсь такъ прохладно, тихо, мирно... Стоитъ это лѣсное царство въ полуденномъ безмолвіи, простираеть свои вѣтки зеленыя, точно манить ими въ тишину, въ прохладу... Голубая лазурь неба опрокинулась надъ нимъ и привѣтливо улыбается сквозь густыя вершины деревьевъ... Едва ли гдѣ можно такъ мирно, глубоко задуматься надъ жизнью, ея вопросами, явленіями, какъ подъ этимъ зеленымъ шатромъ въ чудный, майскій день. Недаромъ, особенно чуткіе къ участи человечества—святые подвижники уединялись въ лѣсахъ. Помнится до поразительности ясно, промчалась въ моей головѣ тогда слѣдующая мысль: какъ бы человѣку трудно, тѣсно ни жилось, разъ онъ не утратилъ чуткости къ прекрасному, у него всегда найдется уголокъ среди Божьяго міра, чтобы успокоиться хоть на мгновеніе отъ знойныхъ впечатлѣній жизни, пристально взглянуть на небо. Отдохновительны бывають такія минуты, на нихъ и послѣ-то оглядываешься, какъ на свѣтлые огоньки во время ночного пути.

Лѣсъ кончился, вынырнула деревушка убогая, неряшливая. „Ликова“ звалась она, но такъ мало ликовала своимъ видомъ. Мы

съ трудомъ отыскали самоварчикъ, угольевъ однако нѣтъ, кое-какъ развели сосновыми корками. На улицѣ безлюдно, если и пробредеть кто, то какъ-то уныло. Жизнь здѣсь словно замерла, остановилась, хаты покривились. Мы приютились въ жидкой тѣни двухъ ветель, и вспомнилось Пушкинское выраженіе: два бѣдныхъ деревца—въ отраду только взора... Видно, поэта поражали подобные виды, и какъ тихо шагаетъ впередъ матушка Русь, если полвѣка спустя тѣ же виды, тѣ же картины. Окидывая взоромъ окрестныя плоскія равнины съ тощими полями, я думалъ: эти деревушки—все вѣдь паствы наши, какъ плотно прилегло на нихъ бремя жизни, какъ трудно будетъ приподнять его, пропустить въ сумракъ унылой обыденщины лучъ яркаго свѣта. Въ сердцѣ повѣяло холодомъ: одиноко будетъ мнѣ, трудно, затеряешься со своими мечтами въ этихъ лѣсахъ и равнинахъ, упадешь духомъ отъ сознанія своего безсилія, неумѣлости... Точно мухи назойливыя затолпились въ головѣ печальныя мысли, но взглянулъ на небо, оно такъ радостно, ласково, пространство залито солнцемъ, птички весело щебечуть, надъ рѣчкой въ оврагѣ полилась звонкая пѣсня какой-то дѣвушки, нѣтъ, видно и здѣсь еще радость живетъ. Я порывисто всталъ, чтобы встрехнуться отъ набѣжавшаго мрачнаго облачка, подошелъ къ пыхтѣвшему уже самовару. Здѣсь собралась кучка мальчиковъ, такіе оборванные, запачканные, мнѣ стало жаль ихъ, захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь порадовать ихъ. Подвернулся кулечекъ съ карамелью и два бѣлые хлѣбца, я раздѣлилъ имъ то и другое. Какъ же просіяли они, какъ взапуски пустились къ своимъ хаткамъ, бѣдняжки! Двѣ три конфетки, кусочекъ хлѣбца должно-быть такая рѣдкость имъ. Но, какой маленькій порывъ сердца, и сколько радости можетъ принести человѣку. Нѣтъ, въ этихъ-то убогихъ уголкахъ много простора работать, ярче могутъ обрисоваться здѣсь и плоды искреннихъ трудовъ.

На душѣ стало совсѣмъ легко, и, аппетитно попивъ чайку, тронулись въ дальнѣйшій путь.

Огненный разливъ зари обнималъ горизонтъ, чуть слышно шелестѣли верхушки деревьевъ, загорались звѣздочки въ темно-синей глубинѣ неба, тонкій паръ медленно плылъ по окрестностямъ, засвистали соловьи, забылась усталость, душа наслаждалась красотой Божьяго міра, рвалась къ прекрасному, чистому, святому... Стыдно, думалось, живя среди такой красоты, не чув-

ствовать, не ощущать ея и размѣниваться въ жизни только на прозаическія заботы, на служеніе злободневнымъ интересамъ.

Въ сумракѣ обрисовались очертанія нѣсколькихъ дачъ, на одной изъ нихъ проводила лѣто моя родственница, и намъ усталымъ, запыленнымъ улыбался вечерній чай на уютной террасѣ. Совѣмъ уже стемнѣло, прохлада разливалась и освѣжала утомленный организмъ. Я дѣлился впечатлѣніями съ родственницей; въ кустахъ сирени послышался звонкій смѣхъ,—толпа подростковъ обоюго пола съ окрестныхъ дачъ дружно влетѣла на террасу. Какіе они все свѣжіе, оживленные, жизнерадостные, точь въ точь, какъ эта дремлющая подъ покровомъ короткой ночи весенняя природа... Мы скоро непринужденно разговорились и не замѣтили, какъ стрѣлка приблизилась къ 12. Простились мы, словно уже давно знакомые. Вспоминаю эту молодежь сейчасъ такъ живо, отчетливо, точно не 15 лѣтъ назадъ, а вчера съ нею игриво бесѣдоваль на террасѣ, сравниваю ее съ настоящей, и увы не въ пользу послѣдней. Какую рѣзкую грань положили между двумя поколѣніями эти 15 лѣтъ. Молодежь того времени игривая, отзывчивая, кроткая, точно ручеекъ чистая сердцемъ, говорливая, жила, дышала, веселилась, какъ утро майское. А настоящая?—Добрая половина ея, точно листокъ, охваченный неожиданнымъ весеннимъ морозомъ. Не къ кроткой жизнерадостности, не къ красотѣ, поэзіи, невинному веселью стремятся ея сердца, а къ какой-то борьбѣ за чьи-то отвлеченныя права: политическая горячка толкаетъ ее къ ужасамъ разрушенія, и не чувствуетъ она даже смрада преступленій... О, какъ злы и преступны тѣ люди, что отравляютъ юныя сердца и влекутъ ихъ въ преступную, ожесточенную борьбу... Одна только надежда остается: пройдутъ годы, опытомъ познаютъ юноши и дѣвы всю горечь, весь ядъ отравы, которую сейчасъ такъ жадно впитываютъ въ себя. Разглядятъ весь обманъ, скрытый теперь красивыми фразами, туманными теоріями, и шарахнутся прочь отъ совратителей, горькими слезами оплачутъ свое служеніе моднымъ идоламъ.

Мы снова ѣхали подъ мракомъ полуночи, а въ ушахъ моихъ еще звенѣли молодые голоса. Эти юнцы не замедлили скоро стать моими друзьями. Они навѣщали меня, мы бродили вмѣстѣ въ паркѣ, въ роцѣ, они интересовались моими начинаніями, службой, я радовался ихъ жизнерадостному настроенію; они такъ мило напоминали мнѣ мою вчерашнюю беззаботную юность... Доброе общество послалъ мнѣ Господь на первыхъ порахъ. Жаль

только, что теперь всё они разлетѣлись въ разныя стороны, гдѣ, кто и какъ—не знаю. Можетъ-быть иныхъ не пощадила современная мутная волна. Спаси ихъ Господи!..

Кучеръ и старуха сладко дремали на своихъ передкахъ, а у меня свѣжестъ noci и игривый разговоръ разсѣяли всякій сонъ. При блѣдномъ свѣтѣ утренней зари напряженно всматривался я въ обрисовывающіяся очертанія окрестностей, не покажется ли мое И. Вотъ позвякивая сбруей близится мужичекъ, очевидно, за лошадкой въ ночное. Поравнялись, онъ привѣтливо поклонился,—„милости просимъ, батюшка... Поджидаемъ васъ...“ Спасибо, отвѣтилъ я, а въ сердцѣ такъ и пробѣгла теплая струйка: не знаютъ еще, а поджидаютъ! Доброе, видно, сердце бьется въ груди русскаго народа.

Вотъ длинная бѣлая пелена надъ рѣкой, вотъ изъ колеблющихся волнъ ея выдѣляется церковка—грядущій пріютъ моихъ юношескихъ служеній и молитвъ. А востокъ такъ привѣтливо разгорается... Вынырнулъ огненный дискъ солнца, и все мгновенно заиграло. Лугъ и поле брызнули зеленью, верхушки парка точно позолотой повились, и въ нихъ загѣли, засвистали десятки Божьихъ пташекъ. Слава Богу, пріѣхали „домой“. Всѣ трое мы помолились на церковь и стали наскоро разгружать воза. Спустя полчаса я сладко засыпалъ у открытаго окна, въ которое вмѣстѣ съ ароматною свѣжестью утра вливалась соловьиная пѣня...

Первый день протекъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ, къ вечеру пріятно удивленъ былъ появленіемъ двухъ батюшекъ: одинъ изъ нихъ „дачникъ“, а другой ближайшій сосѣдъ. Оживленно и разнообразно поговорили мы. Сосѣдъ просто, но толково познакомилъ меня съ нравами, обычаями, настроеніями крестьянъ. Въ его простомъ, но жизненномъ разсказѣ картина мѣстной жизни получалась довольно опредѣленная. Батюшка дачникъ больше касался въ своемъ разговорѣ личной жизни, давалъ совѣты какъ поудобнѣе устроиться, совѣтывалъ не обрывать знакомства и отношеній съ нѣкоторыми, знакомыми мнѣ лицами изъ города, между прочимъ упрекнулъ за то, что я первый пріѣздъ совершилъ одинъ безъ жены. Мы вотъ не такъ живемъ, восемь лѣтъ женаты и ни разу ни на одинъ день не разставались съ женою. Провожая гостей, я долго смотрѣлъ на удаляющійся экипажъ и мыслилъ, какая разница: одинъ въ старенькой шляпѣ, въ рясѣ, пожелтѣвшей отъ солнца, съ мозолистыми отъ полевыхъ работъ руками,

съ загорѣлымъ лицомъ, другой въ изящномъ цилиндрѣ, въ красивой, новой рясѣ, при воротничкѣ, чистый, бѣлый, видный, жизнерадостный; но одинъ, такъ простъ и чутокъ къ жизни людской, такъ видимо близокъ къ ней, а другой живетъ, какъ будто въ сторонѣ отъ этой сѣренькой обыденной жизни, въ заманчивыхъ волнахъ довольства и покоя, и сердце невольно забилося искреннимъ сочувствіемъ къ труженику сосѣду. Проводивъ гостей, я вышелъ за село, сѣлъ на межѣ между полосками ржи, спустился тихій вечеръ. Съ пригорка открывалась чудная картина: лентой среди луговъ извивалась рѣка точно въ изумрудной рамкѣ, къ ней съ одной стороны задумчиво прильнуль роскошный паркъ, а за ней на горизонтѣ синѣлъ лѣсъ, обрисовывались 2—3 церкви, около одной высился причудливый барскій домъ-замокъ. Откуда-то пронеслися звуки благовѣста ко всенощной, вѣроятно отъ ближайшаго монастыря. Безмятежная, успокоивающая картина... На сердцѣ такъ славно, покойно; жизненная даль манить къ себѣ... Хорошо... Но пора итти подготовиться къ службѣ: завтра первая обѣдня въ приходѣ, по случаю родительской. Сердце забилося теплымъ чувствомъ къ усопшей матери, думалось: помолось за нее и какъ будто повидаясь съ ней.

Въ околицѣ встрѣтилось стадо, мирно входило оно въ селеніе. Господи! помоги и мнѣ кротко, разумно вести свое стадо.

О. А.

Мои воспоминанія о старцѣ Варнавѣ.

Знакомство мое съ почившимъ старцемъ Варнавою началось давно, около двадцати лѣтъ, со скитскаго праздника.

Ясно помню я этотъ знаменательный для меня вечеръ...

Было часовъ 10 вечера, всенощная съ архіерейскимъ служеніемъ кончалась; скитскій храмъ былъ весь переполненъ молящимися; на лѣстницѣ и даже около храма стояли богомольцы съ зажженными въ рукахъ свѣчами... Въ храмѣ совершали величаніе преславному Успенію Божіей Матери; умиленное пѣніе доносилось изъ храма.

Вечеръ теплый, тихій, но темный; въ ночномъ мракѣ ярко горѣли тысячи свѣчей, въ рукахъ богомольцевъ. По дорожкамъ скита, около сада, зажжены цвѣтные фонарики.

Мнѣ пришелъ на память скитскій праздникъ шестидесятихъ годовъ, когда, несмотря на продолжительность богослуженій, совершалъ оное самъ основатель скита ¹⁾, приснопамятный великій святитель Филаретъ. Тогда я былъ еще мальчикомъ. Но какое благоговѣніе наполнило тогда мою молодую душу!.. Видно было, какъ глубока вѣра въ этомъ тысячномъ народѣ, и какъ велика также и любовь къ своему архипастырю...

Да проститъ мнѣ читатель это маленькое отступленіе.

Побродивъ по дорожкамъ скитскаго сада, я подошелъ къ деревянному Успенскому храму, основанному въ началѣ XVII вѣка и перенесенному изъ Подосенья.

Здѣсь я встрѣтилъ знакомаго скитскаго монаха, который обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Не желаете ли познакомиться съ батюшкой Варнавою, онъ здѣсь, на монастырѣ?..

Я уже много слышалъ о старческой жизни о. Варнавы, о его подвижничествѣ и прозорливости: но, признаюсь, почему-то избѣгалъ знакомства съ нимъ и, посѣщая пещеры и храмъ Черниговской Божіей Матери, тогда еще деревянный, я удивлялся толпѣ народа, которая безмолвно стояла, иногда по нѣсколько часовъ, около кельи, выжидая выхода старца.

Предложеніе знакомаго монаха меня немного удивило.

— А развѣ это нужно?—съ улыбкой, спросилъ я.

— Какъ же, помилуйте... Надо, обязательно надо!..

— Что жъ, пожалуй, а гдѣ же отецъ Варнава?

Да вотъ благословляетъ народъ!

У входа въ Успенскій соборъ стоялъ о. Варнава и благословлялъ толпившихся около него богомольцевъ.

Я не буду описывать лицо и наружность старца. Да и кто не знаетъ, изъ посѣтившихъ когда-либо храмъ Черниговской Божіей матери, этого инока съ открытымъ лицомъ и умными, пронизательными глазами.

— Батюшка, благословите,—господинъ корресподентъ желаетъ принять благословеніе и познакомиться съ вами...—проговорилъ монахъ, подводя меня къ о. Варнавѣ.

— Богъ благословить, Богъ благословить... Какъ ты сказалъ, отецъ Михей, коре... коре...

¹⁾ Геосиманскій скитъ основанъ въ 1844 году.

— Корресподентъ батюшка, въ Киновіи онъ проживаетъ лѣтомъ, на дачѣ...—показывая на меня, пояснилъ монахъ.

— Корресподентъ... мудренное слово... Не скоро и выговоришь... Вѣдь это, кажется все равно, что и газетчикъ?...—истово перекрестивъ меня, проговорилъ старецъ.

Такъ названіе газетчика и осталось за мной у старца Варнавы до самой его смерти.

Бывало, шутя, я спрошу старца:

— Батюшка, знаете ли вы какъ меня звать?

— Знаю, сынокъ, знаю...

Ну какъ, скажите?

— Газетчикъ... Охъ, ремесло не легкое, куда трудное... Тяжело бываетъ руками работать, а головой того тяжелѣй... хоть матеріалу у тебя на чернила и бумагу выходитъ на малыя деньги... Трудно головой себя, да еще семью содержать, но ты, сынокъ, не печалься, трудись, во славу Божию... и трудъ твой даромъ не пройдетъ—что поѣешь, то и пожнешь... А ремесло твое хорошее, иной разъ перомъ ты сдѣлаешь то, чего не сдѣлаешь никакимъ инструментомъ, никакой машиной. Положимъ, газетчики бываютъ разные и слова у нихъ разныя... Иной скажетъ слово, что рублемъ подарить, а у другого газетчика слово и гроша переломленного не стоитъ...

Такой взглядъ имѣлъ старецъ на насъ, тружениковъ пера.

Несмотря на скудность своего образованія, старецъ обладалъ глубокимъ знаніемъ жизни; это видно изъ его мудрыхъ, жизненныхъ совѣтовъ, которые онъ непрерывно давалъ толпѣ, съ ранняго утра до поздняго вечера не оставлявшей старца, особенно въ лѣтніе мѣсяцы.

— Батюшка, когда вы отдыхаете?—какъ-то спросилъ я отца Варнаву, видя какъ онъ, утомленный, ушелъ въ свою келью и съ безсиліемъ опустился на табуретку.

Келійка состояла изъ двухъ небольшихъ комнатокъ и сѣней. Первая комнатка, совсѣмъ маленькая, служила, какъ бы пріемной; жесткій диванъ, досчатый стулъ, двѣ-три табуретки—вотъ и все ея убранство. Вторая комната служила и спальней и моленной; въ ея переднемъ углу много иконъ съ неугасимой лампадой, аналой и большое Распятіе. Здѣсь старецъ исповѣдывалъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ, начиная съ простеца-мужика и кончая важнымъ министромъ; деревянная кровать съ жесткой подушкой и съ ситцевымъ одѣяломъ, старин-

ный диванъ и лежанка. На ней любилъ посидѣть старецъ въ зимнюю стужу.

Эти двѣ горенки памятны мнѣ. Въ нихъ я, за все мое знакомство съ о. Варнавой провелъ не мало времени. Сколько добраго, хорошаго вынесъ я изъ этихъ убогихъ горенокъ!..

Старецъ даромъ своего слова укрѣплялъ во мнѣ еще болѣе вѣру въ Бога, и въ минуты скорби я выходилъ изъ нихъ вполне успокоеннымъ.

— Ты спрашиваешь меня, когда я отдыхаю? Вотъ съ тобой, сынокъ, сейчасъ я отдыхаю, ночью отдыхаю, а настоящий нашъ отдыхъ знаешь гдѣ будетъ?..

— Знаю, батюшка,—въ могилѣ.

— Да, да, тамъ нашъ вѣчный покой. А ты не боишься смерти?

— Нѣтъ, да и что же бояться—бойся не бойся, а умирать надо...

— Такъ, такъ, сынокъ, и не бойся; грѣха надо бояться, а не смерти... Да смерти-то и нѣтъ... Она попрана Христомъ... Чай твои товарищи, газетчики, тому не вѣрятъ?..

— Есть и вѣрующіе...

— Есть-то есть, да немного... Многіе изъ васъ, газетчиковъ, во тьмѣ ходятъ, не видятъ они, жалкіе, Христова свѣта... Суета мірская, дразги житейскія затемнили ихъ умъ, помрачили глаза. Умниками себя считаютъ—„мы—говорятъ,—учимъ народъ, какъ жить, куда итти“. Вожди слѣпые, передъ ихъ глазами яма глубокая, сами къ ямѣ приближаются и другихъ съ собою тащатъ.. Вотъ отъ такихъ-то учителей избави насъ, Боже!..

Эти слова отца Варнавы, мною записанныя, относятся къ минувшему. Но что если бы теперь почившій старецъ всталъ изъ гроба и посмотрѣлъ, что дѣлается между „газетчиками“, чѣмъ наполняется многое-множество газетъ.

Ходилъ я къ отцу Варнавѣ больше передъ вечеромъ, часовъ въ шесть-семь. Въ это время онъ рѣдко кого принималъ. Иногда занимался бесѣдою съ близкими людьми, иногда разборкою писемъ, которыхъ получалъ множество изъ разныхъ мѣстъ нашей необъятной Руси. Я часто помогалъ старцу въ разборкѣ писемъ, и въ такое время, хоть и называемое отдыхомъ, рѣдко удавалось ему быть одному. Его отдыхъ нарушали иноки-скитяне и пещерники, приходившіе къ нему исповѣдываться.

— Ну, отложимъ бесѣду до другого раза. Видишь ко мнѣ.

идутъ, за плечами у нихъ мѣшки, а мѣшки-то эти грѣхами набиты. Иной, сердечный, подѣ такой ношей едва ноги волочить, тягота ему большая,—вотъ и надо ему помочь и отъ грѣховъ очиститься.

Во время разговоровъ добрая, чудная улыбка никогда не сходила съ его устъ. Рѣдко приходилось мнѣ видѣть старца серьезнымъ или опечаленнымъ, но часто видалъ я его молящимся передъ распятіемъ.

— Съ Богомъ бесѣдоваль, душу свою передъ Богомъ открываль... Помолись—какъ-то и легче станетъ и тяготу душевную не такъ чувствуешь,—оставляя молитву, скажетъ мнѣ старецъ.

Большимъ молитвенникомъ былъ почившій старецъ и глубока была его вѣра. „Отецъ Варнава, по моему глубокому убѣжденію, обладалъ даромъ вѣры. Для него не существовало преградъ между нашимъ міромъ и міромъ загробнымъ. Все его существо было проникнуто этой вѣрой, всѣ его поступки вытекали изъ этой вѣры“¹⁾.

Помню въ одинъ изъ моихъ приходовъ къ старцу я обратился къ нему съ такими словами:

— Батюшка, вы обѣщали рассказать мнѣ о себѣ, о своей подвижнической жизни...

— А зачѣмъ? Въ газетахъ пропечатать что ли хочешь?

— А развѣ вы противъ этого?

— Да, если ты прославлять меня хочешь... Не надо, сынокъ, не надо... Я монахъ, мнѣ надо смиреніе, а ты прославлять. Для другихъ соблазнъ и искушеніе...

— Свѣтильникъ, батюшка, ставятъ не подѣ спудъ, а на столъ, чтобы виденъ былъ свѣтъ.

— Ну, до такого свѣта мнѣ далеко... А знаешь, наставникъ мой, отецъ Даніиль, старецъ благочестивой жизни сказалъ мнѣ: „ты будешь бѣжать, а слава за тобой...“

— Что же слова вашего наставника сбылись... Ваша подвижническая жизнь извѣстна во всѣхъ уголкахъ нашей необъятной родины.

— Совсѣмъ захвалиль! Прямой ты газетчикъ... Ну, слушай, все, что помню о себѣ,—расскажу.

1) „Памяти іеромонаха Варнавы“. Епископъ Трифонъ.

Родомъ я изъ крестьянъ, села Прудищи, Тульской губерніи. Звали меня Василюмъ, по прозвищу Меркуловъ. Отца звали Ильей, а мать Дарьей ¹⁾. Родители мои были люди простые, но любили и помнили Бога, къ чему и меня приучили. Были мы барскіе, помѣщика Юшкова; онъ взялъ насъ да и продалъ барину Скуратову. Баринъ Скуратовъ перевелъ всю нашу семью въ село Нары-Оминское ²⁾. Кое-какъ обучился я здѣсь грамотѣ; взяли меня на барскій дворъ и отдали въ ученье къ барскому слесарю,—обучился я хорошо ремеслу. Близъ нашего села находилась пустынь преподобнаго Зосимы. Часто я ходилъ въ эту пустыньку и часто бывалъ тамъ у инока-отшельника Геронтія. Жилъ онъ въ небольшой келейкѣ, среди большого лѣса одинъ-одинешенекъ. Повалился я къ нему ходить, вотъ онъ-то и училъ меня уму-разуму. Какъ-то простудился я и привязался ко мнѣ кашель, да такой еще, всю грудь отобьетъ, дыханіе захватываетъ, просто—ложись да умирай! Помню, какъ теперь, лежалъ я на печи, духъ у меня захватило, думалъ, что смерть пришла... Слѣзь я кое-какъ съ печи, сѣлъ; за столомъ батюшка сидитъ, тутъ же увидалъ я юношу, въ бѣломъ одѣяніи, съ лицомъ лучезарнымъ, какъ у ангела... Кто бы это былъ, думаю? А кашель меня, знай, все душитъ да душитъ. Тутъ юноша поднялъ на меня свои лучезарные глаза, и вдругъ съ того взгляда, кашель меня пересталъ душить, и стало мнѣ много легче...

— Батюшка, кто это?—спросилъ я, показывая на юношу.

— Гдѣ? Что ты, Вася, да въ нашей избѣ никого нѣтъ,—осматриваясь по сторонамъ, съ удивленіемъ отвѣтилъ мнѣ отецъ.

Я понялъ, что это было видѣніе, и рассказалъ объ этомъ отцу. Съ этого разу я совсѣмъ поправился. И во мнѣ созрѣло неуклонное рѣшеніе итти въ монастырь. Мнѣ было 24 года, когда я оставилъ мірскую суету и вступилъ подъ кровъ Сергіевой обители.

Но не долго пробылъ я въ лаврѣ. Многолюдно тамъ... Мнѣ хотѣлось въ скитъ, который почти только-что обстроился, благодаря митрополиту Филарету. Около скита, въ горахъ, отшельники жили. Выкопаютъ себѣ въ горѣ небольшую пещерку, такъ и живутъ въ ней съ ранней весны, до глубокой осени, а на зиму-то въ скитъ

¹⁾ Впослѣдствіе схимонахиня Дарья; скончалась въ Иверскомъ монастырѣ, основанномъ старцемъ Варнавою.

²⁾ Московской губерніи, Верейскаго уѣзда.

приходили. Изъ богомольцевъ въ скитъ рѣдко-рѣдко кто зайдетъ, а то и никого нѣтъ. Въ ту пору въ скиту жилъ отшельникъ подвижникъ Даніиль. Жилъ онъ въ землянкѣ, въ самой чащѣ густого лѣса недалеко отъ скита. Вотъ къ нему-то я и поступилъ, и выбралъ его своимъ духовнымъ руководителемъ. И хорошо было мнѣ жить вдали отъ суеты мірской... тихо, покойно... Бывало выйдешь изъ землянки-то въ лѣсъ—кругомъ, знаешь, такая тишина, какъ будто въ могилѣ, только пташки Божіи своимъ щебетаніемъ нарушали тишину. На душѣ станеть какъ-то спокойно... всѣ мысли, всѣ помышленія въ одномъ только Богѣ... Душа покойна—просто ищетъ... Вспомнишь про старое-то житье-бытье, да сравнишь съ теперешнимъ—совѣмъ не то. Другая жизнь, другіе люди! Гдѣ теперь стоитъ великолѣпный Черниговскій храмъ, въ то время на этомъ мѣстѣ такъ простой срубикъ былъ, съ деревяннымъ крестомъ. Это—входъ въ пещеры, а пещеры копали, какъ ты знаешь, Филаретушка съ своими сыновьями,—тоже подвижники, Божьи люди. Кромѣ отшельника Даніила, моимъ наставникомъ былъ еще іеросхимонахъ Григорій, изъ Зосимовой пустыни онъ переселился въ Лавру. Онъ-то и благословилъ меня на подвигъ иночества въ скиту.

— Скажите, батюшка, давно-ль вы стали принимать народъ?

— Давненько, годовъ тридцать будетъ, а то и больше... Мои наставники Григорій и Даніиль благословили меня врачевать народъ отъ душевнаго недуга. Іеросхимонахъ Григорій на смертномъ одрѣ подозвалъ меня, далъ мнѣ двѣ просфоры и проговорилъ: „питаи алчущихъ хлѣбомъ и словомъ...“ А какъ умеръ отшельникъ Даніиль, сталъ я принимать народъ...

— Могу сказать, батюшка,—вы приняли на себя не малый подвигъ...

— На то я и монахъ...

— Простите, батюшка, нѣкоторые обращаются къ вамъ прямо съ глупыми вопросами, чему я не разъ былъ свидѣтелемъ.

— Для тебя можетъ вопросъ-то и глупымъ показаться, ну, а для того, кто спрашиваетъ, едва ли...

И почившій старецъ, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда торошился, всегда спѣшилъ къ ожидавшему его народу.

— Батюшка, куда вы спѣшите? Куда вы такъ торопитесь? Я, и семья моя такъ вамъ рады, вы у насъ желанный, рѣдкій гость!—бывало скажу я старцу, который хоть и изрѣдка, но бывалъ у меня на дачѣ, въ Виѳаніи.

— Недосугъ, сынокъ, недосугъ... Спѣшить надо, вѣдь ждутъ меня, понимаешь, ждутъ... Издалека поди пришли ко мнѣ за совѣтомъ, а меня и дома нѣтъ; нехорошо...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рѣчь, сказанная священникомъ Воскресенской, села Клокова, Подольскаго уѣзда, церкви А. Ключаревымъ на пастырскомъ собраніи 11 сентября по поводу устройства кассы взаимопомощи на случай смерти.

Ни одинъ человѣкъ не застрахованъ въ своей жизни отъ различнаго рода несчастныхъ случаевъ. Поэтому люди всѣхъ странъ и всѣхъ классовъ общества стремились и теперь стремятся организоваться въ общества и союзы для оказанія другъ другу помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Но если такъ поступаютъ часто люди состоятельные, люди живущіе въ городахъ, гдѣ помощь въ несчастныхъ случаяхъ и безъ того хорошо организована,—если и подобные люди все-таки чувствуютъ нужду въ обществахъ для оказанія другъ другу поддержки въ жизни, то тѣмъ болѣе должны чувствовать эту нужду и даже необходимость мы, сельское духовенство и церковно-служители, такъ какъ многіе, даже почти всѣ изъ насъ, живутъ въ очень незначительныхъ, иногда совсѣмъ бѣдныхъ приходоухъ, живутъ иногда въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и притомъ въ селахъ, гдѣ общественная помощь въ несчастныхъ случаяхъ совсѣмъ не организована. Представьте пожаръ въ селѣ, гдѣ вы живете и гдѣ нѣтъ никакихъ пожарныхъ командъ и обществъ. Едва кто-нибудь увидитъ горящую избу, какъ раздается набатъ, и всѣ спѣшатъ спасти свое послѣднее имущество, такъ какъ каждый знаетъ, что еще мгновеніе, и огонь можетъ охватить все село. Здѣсь каждый заботится уже только о себѣ, и, если загорится вашъ домъ, все ваше имущество почти неминуемо дѣлается жертвою огня. Вы остаетесь такимъ образомъ безъ крова, безъ имущества и безъ всякихъ средствъ къ жизни.— Заболѣетъ ли кто въ вашей семьѣ, вы можете оказаться не въ состояніи дать ему надлежащую медицинскую помощь, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда жизнь заболѣвшаго зависитъ отъ какой-либо серьезной операціи, требующей большихъ денегъ.

Умреть ли кто въ вашей семьѣ, вы опять можете оказаться въ затруднительномъ положеніи, особенно въ случаѣ смерти жены, единственнаго и вѣрнаго вашего помощника. Вы часто даже не въ силахъ дать надлежащее приданое своимъ дочерямъ и тѣмъ обезпечить ихъ будущую жизнь. А что будетъ съ вашей семьей, если вы подвергнетесь неизлѣчимои болѣзни, которая лишитъ васъ средствъ къ жизни? Куда дѣнется она и какъ будетъ жить, если вы, ея глава и кормилецъ, отойдете, наконецъ, въ жизнь вѣчную, а ей даже не на что надлежащимъ образомъ предать васъ погребенію? Да, тяжело положеніе сельскаго духовенства и особенно женатыхъ псаломщиковъ, которымъ часто бываетъ положительно не на что содержать свою семью и дать образованіе своимъ дѣтямъ! Необходимо намъ прійти на помощь другъ къ другу, необходимо соорганизоваться для борьбы съ нуждой общими силами. Средствомъ для этого служить открытіе кассы взаимопомощи. Но можемъ ли мы сразу помогать другъ другу во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ? Насъ слишкомъ мало, средствъ у насъ и того меньше. Я думаю, что рискованно сразу затѣвать широкое дѣло. Лучше на первыхъ порахъ образовать кассу взаимопомощи лишь на самый важный случай, — на случай смерти главы семьи, чтобы наша семья, утративъ кормильца и поильца своего, могла отдать ему хотя послѣдній долгъ преданіемъ его землѣ, и чтобы хотя первое время, когда энергія и способность къ дѣятельности подавлены великимъ горемъ, когда еще недавняя утрата свѣжа въ памяти и воспоминаніе о ней мѣшаетъ остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ, наша семья могла прожить безъ большой нужды и, нѣсколько успокоившись, поискать себѣ дальнѣйшихъ средствъ къ существованію. Потомъ же, когда духовенство и церковно-служители прочихъ уѣздовъ Московской губерніи, сознавъ необходимость тоже итти на помощь другъ къ другу, будутъ соединяться съ нами, когда число членовъ нашей кассы и средства будутъ увеличиваться, тогда мы можемъ, соотвѣтственно этому, расширять задачи нашей кассы, пока не будемъ въ состояніи оказывать помощь другъ другу во всякомъ затруднительномъ положеніи. Пока же на первыхъ порахъ, повторяю, намъ лучше поставить себѣ небольшія задачи, такъ какъ ихъ будетъ легче исполнить, а нашъ успѣхъ скоро привлечетъ къ намъ и другихъ, тогда какъ, задавшись большими задачами и оказавшись въ затрудненіи выполнить ихъ, мы можемъ разочаровать въ дѣлѣ и тѣхъ, которые

теперь ревностно за него возьмутся. Необходимо только въ самомъ началѣ Устава нашей будущей кассы указать, что она отнюдь не останется навсегда кассой взаимопомощи *только* на смертные случаи, чтобы не отшатнуть отъ нашего дѣла тѣхъ, которые желаютъ организовать *самую широкую* помощь, а наоборотъ — побудить ихъ соединиться съ нами для осуществленія въ возможно близкомъ будущемъ всѣхъ намѣченныхъ нами самыхъ широкихъ задачъ.

Свящ. *Адрианъ Ключаревъ.*

Нѣсколько словъ о пчеловодствѣ, какъ средствѣ улучшенія матеріальнаго содержанія сельскаго духовенства.

Одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ улучшенію матеріальнаго содержанія сельскаго духовенства—это пчеловодство. Небольшой клочекъ усадебной земли въ томъ надѣлѣ, въ какомъ имѣеть его сельскій псаломщикъ, вполне годенъ для пасѣки въ 100 ульевъ и болѣе. Садикъ за домомъ самое удобное мѣсто для пчельника. На зимовку пчель убирать въ подполь, куда ссыпаютъ картофель. Развести пчель очень легко и скоро: отъ одного улья, при благополучныхъ условіяхъ, считая прибыли въ годъ улей на улей, что частенько и бываетъ, черезъ 10 лѣтъ можетъ быть уже 1024 улья. Конечно, это гипербола, приувеличеніе, такъ какъ пчелы за это время могутъ подвергаться разнымъ случайностямъ, отъ которыхъ число пчель быстро и сокращается. Но все-таки, повторяю, при тщательномъ уходѣ за пчелами развести ихъ очень нетрудно. Развести пчель и недорого. Купите 2 рамочныхъ улья системы Дадана, одинъ съ пчелами, а другой пустой, и для начала пока достаточно. По образцу пустого нетрудно сработать улей самому и станетъ такой улей вамъ недороже 60 коп. Изъ 6-аршинной доски выйдетъ 2 улья. Нарѣзать пилой 4 стѣнки улья по размѣру, сколотить гвоздями и улей готовъ. Рамки тоже сколачиваются гвоздями. За красотой тутъ нечего гнаться, нужно слѣдить только за правильными соотношеніями глубины и ширины. Купите руководство — сочиненіе Лангстрота „Пчела и улей“, въ немъ вы найдете для себя все: и указаніе, какъ работать улей, и указаніе, какъ пчель водить и какъ использовать пчеловодные продукты. Каждая мѣстность болѣе или менѣе обладаетъ медоносными растеніями. Вотъ приблизительное указаніе на медоносы: ветла, верба, клень, тополь, береза, дубъ, липа,

орѣшникъ, черемуха, всѣ плодовые деревья, акація, травы, особенно клеверныя, гречиха, одуванчикъ, малина, верескъ (въ сосновыхъ и еловыхъ лѣсахъ), подсолнечникъ, ромашка, лопухъ, земляника, бобы, горохъ, чечевица, виха, люцерна, эспарсетъ или дятлина, донникъ, мята, бѣлая крапива, шиповникъ, ежевика, фацелія, рѣдись, левкой, резеда, астры, брусника, ландышъ, фукція, чеснокъ, лукъ, жимость, тыква, дыня, огурцы, петрушка, укропъ, гвоздика, василекъ, барбарисъ и т. д. Невозможно себѣ составить даже приблизительно понятія о невѣроятномъ количествѣ меда, пропадающаго у насъ даромъ за отсутствіемъ пчелъ. Для отысканія корма, меда пчелы могутъ летать за 3, за 4 версты и далѣе. Разумѣется, еще лучше для взятка, когда нектаръ находится въ обиліи не далѣе $\frac{1}{2}$ версты. Во всякомъ случаѣ не особенно важно, чтобы цвѣты находились очень близко къ пасѣкѣ. Въ журналѣ „Пчеловодство“ изданія Вятскаго земства въ № 7—8 за іюль—августъ текущаго года на стр. 151 читаемъ: „въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губ. пасѣка одного крестьянина изъ 40 дадановъ дала до 150 пуд. меда. Въ Вятской губ. въ сѣверныхъ уѣздахъ медосборъ повсюду обильный; взяткокъ главн. обр. съ василька и малины. Средняя доходность на улей при колодномъ хозяйствѣ—40 фун., при рамочномъ отъ 80 до 120 фун. на улей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ не рѣдко съ улья получали отъ 200 до 240 фунтовъ“. Съ улья 6 пудовъ меда—вѣдь это стоимость хорошей дойной коровы или хорошей крестьянской лошади! Поди-ка причтомъ по крестьянскимъ дворамъ и собери-ка стоимость этого улья! Развѣ на Пасхѣ только соберешь. А вотъ 40 дадановъ дали мужичку до 150 пудовъ меда. Это уже годовое содержаніе цѣлаго причта, состоящаго изъ священника, діакона и псаломщика. Я вожу пчелъ около 20 лѣтъ и имѣю самую большую пасѣку въ Бронницкомъ уѣздѣ—отъ 60 и до 100 ульевъ дадановъ. И по священству открываюсь вамъ, что безъ моихъ пчелокъ, этихъ безобманныхъ и трудолюбивыхъ моихъ помощницъ, я не могъ бы найти средствъ на образованіе моихъ 5 дѣтей, изъ коихъ 4 дочери. А началъ я пчеловодство положительно безъ всякихъ знаній. Приобрѣлъ себѣ нѣсколько руководствъ: Бутлерова, свящ. Успенскаго, Бертрана и Лангстрота. По нимъ я учился пчеловодству. Ульи работаю самъ: до 50 дадановъ моей работы красуются на моей пасѣкѣ. Работаю зимой, послѣ 3 часовъ, при огнѣ. Когда дѣлать нечего, беру рубанокъ или шереночъ и давай строгать тесъ или доску. Послѣ сажусь за ужинъ,

аппетитъ великолѣпный; ложусь спать, сонъ богатырскій. Ни тоски, ни скуки!.. Потихоньку, полегоньку, глядишь—ульевъ 5, 6 за зиму-то и сработаешь. А на свою работу какъ-то и отрадно посмотрѣть. Полюбилъ я своихъ пчелокъ, полюбилъ и работу съ ними. Братья товарищи! Поскорѣ заводите пчелокъ, только непременно въ ульяхъ рамочныхъ. Слыхалъ я, что нѣкоторые изъ моихъ сотоварищей и сослуживцевъ не заводятъ пчелъ изъ боязни ихъ укусовъ. Но это страхъ напрасный!.. 1) Лицо должно быть защищено сѣткой, а руки не такъ чувствительны къ укусамъ пчелъ. 2) Организмъ человѣка очень скоро привыкаетъ къ яду (apis) пчелъ, и укушенные мѣста перестаютъ даже пухнуть. 3) Ядъ пчелъ очень полезенъ страдающимъ ревматизмомъ, водянкою, а также сплиномъ, ипохондріей, меланхоліей и тоской. 4) Вслѣдствіе пріобрѣтенія привычки обращенія со пчелами, пчеловодъ рѣже другихъ подвергается укусу пчелъ: и пчелы къ нему (пчеловоду) привыкають. 5) Тѣ, кто приходятъ въ волненіе при появленіи пчелы въ комнату и при встрѣчѣ съ нею въ саду или въ полѣ, конечно не знаютъ, что пчела никогда не нападаетъ, когда она находится на далекомъ разстояніи отъ улья. Скажу вообще, не такъ ужъ страшенъ укусъ пчелы, какъ его рисуетъ наше воображеніе. Дѣлаю маленькую выписку изъ статистическихъ данныхъ по Отлю. Въ Богеміи имѣется 160.000 семей пчелъ. Въ Даніи—86.000, производство меда достигаетъ до 1.841.800 фунтовъ, вывозится воска до 120.000 фунтовъ. Въ королевствѣ Виртембергскомъ—58.000 семей. Въ Австріи производство воска и меда достигаетъ 7—8 миллионъ долларовъ. Въ Калифорніи сборъ меда достигаетъ до 1.250.000 фунтовъ. Сборъ всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ достигаетъ 26.000.000 фунтовъ. И у насъ въ Россіи пчеловодство за послѣдніе годы тоже быстро растетъ. Выходитъ нѣсколько пчеловодныхъ изданій, имѣются общества пчеловодовъ, устраиваются съѣзды пчеловодовъ, выставки и наконецъ вырабатывается проектъ устава Всероссийскаго Союза пчеловодовъ. Духовенство наконецъ должно сознать пользу пчеловодства, которое можетъ для него служить крупнымъ подспорьемъ къ матеріальному содержанію, должно заняться пчеловодствомъ на рациональныхъ началахъ, тѣмъ подавая для своихъ прихожанъ примѣръ для подражанія. Прибавлю, что пчеловодство есть не только занятіе доходное, но и пріятное, названное совершенно справедливо поэзією жизни въ поляхъ.

Свящ. Н. Лебедевъ.

Священникъ Іоаннъ Алексѣевичъ Воскресенскій.

(Некрологъ).

11 октября текущаго года послѣ тяжкой болѣзни въ 11 часу утра въ кругу своей родной семьи тихо скончался настоятель, Николаевской, села Плоскаго, Волоколамскаго уѣзда, церкви священникъ о. Іоаннъ Алексѣевичъ Воскресенскій.

Ему всего только 52 года. Тяжкій, мучительный недугъ давно закрался и началъ подтачивать силы и разрушать здорье покойнаго; наконецъ, Богу угодно было отозвать его изъ сего міра и тѣмъ покончить всѣ его болѣзни, печали и воздыханія.

По окончаніи курса въ Московской духовной семинаріи покойный о. Іоаннъ началъ свою духовно-служебную дѣятельность прохожденіемъ должности псаломщика при Московскихъ храмахъ. Затѣмъ, принявъ санъ священника, онъ около пяти лѣтъ священствовалъ въ селѣ Архангельскомъ - Юсуповѣ, Московскаго уѣзда и ужь, наконецъ, перешелъ на настоящее мѣсто, гдѣ прослужилъ почти пятнадцать лѣтъ. И въ Москвѣ и въ селахъ о. Іоаннъ проходилъ должность законоучителя въ школахъ. Онъ былъ всегда глубоковѣрующимъ христіаниномъ и умнымъ собесѣдникомъ.

Выносъ покойнаго изъ его дома, слѣдовавшую затѣмъ Божественную литургію совершали 14 октября: духовникъ нашего благочинія священникъ села Раменья о. Михаилъ Смиренскій въ сослуженіи священника села Ивашкова о. Александра Цвѣткова при діаконахъ: села Раменья о. Аркадіи Холмогоровѣ и села Ивашкова о. Дмитріи Покровскомъ. Отпѣваніе же было совершено тѣми же священно-служителями и прибывшими во время литургіи изъ села Корневскаго священникомъ о. Владиміромъ Знаменскимъ съ діакономъ о. Николаемъ Розановымъ. Посвященныя памяти покойнаго были произнесены приличествующія, сердечныя слова—священникомъ села Корневскаго о. Владиміромъ Знаменскимъ, говорившимъ во время причастаннаго стиха, а передъ отпѣваніемъ—священникомъ села Ивашкова о. Александромъ Цвѣтковымъ. На клиросѣ пѣлъ очень недурно мѣстный хоръ пѣвчихъ. Послѣ отпѣванія гробъ при пѣвчии: „Помощникъ и покровитель“ и печальномъ перезвонѣ былъ вынесенъ священнослужителями и обнесенъ вокругъ храма, гдѣ священствовалъ покойный и, наконецъ, послѣ произнесенія „Во блаженномъ успе-

ни“ и пѣнія „Вѣчной памяти“ опущенъ въ приготовленную вблизи св. алтаря могилу.

Священство твое, о. Іоаннъ, да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

† **Высокопреосвященный Іонафанъ.** Въ Ярославлѣ, въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ на 19 окт. скончался маститый іерархъ православной Церкви высокопреосвященный Іонафанъ, бывшій архіепископъ Ярославскій и Ростовскій. Покойный былъ старѣйшимъ іерархомъ Русской Церкви и по возрасту превѣсходилъ всѣхъ здравствующихъ нынѣ іерарховъ, правящихъ и находящихся на покоѣ. Онъ почилъ на 91 году жизни и 51 епископскаго служенія.

Гоненіе на православныхъ. Съ болью на душѣ приходится отмѣчать факты насилія на православныхъ со стороны католиковъ въ западномъ краѣ. Въ Бѣлостокѣ, гдѣ православныхъ свыше 10,000, преобладающая въ городской думѣ польская партія лишила субсидіи (1,350 р.) единственную въ городѣ для православнаго простонародья церковную школу, открытую 18 лѣтъ назадъ и пользовавшуюся этой субсидіей всѣ эти годы. И теперь бѣдный православный людъ, лишь бы научить своихъ дѣтей грамотѣ и православному Закону Божию, долженъ вносить за право ученія по 7 р. за каждаго ребенка въ годъ, а наплывъ учащихся такъ великъ, что занятія ведутся въ двѣ смѣны. Пріемъ больныхъ православныхъ въ бѣлостокскую больницу ограниченъ до-нельзя; на фабрикахъ рабочіе католики изгоняютъ своихъ товарищей православныхъ. Въ дер. Луконицѣ (Слоним. у.) католики захватили на православномъ кладбищѣ часовню и обратили ее въ костель; въ м. Деречкѣ того же уѣзда захватили православное кладбище; въ м. Зельвѣ, Волковыскаго уѣзда, овладѣли церковнымъ погостомъ, на которомъ предложена постройка православнаго храма, для чего и подвозился строительный матеріалъ.

Только наша дружная общественная сплоченность и работа во имя народности и православія могутъ дать отпоръ этимъ воинственнымъ натискамъ на насъ со стороны поляковъ-католиковъ. (Колоколь).

Школа для діаконовъ. Въ г. Тулѣ проектировано открытіе богословской школы для діаконовъ, не получившихъ средняго богословскаго образованія, необходимаго для священниковъ. Общія правила этой школы слѣдующія: 1) Въ школу допускаются лица не старше 35 лѣтъ и прослужившіе въ санѣ діакона не менѣе трехъ лѣтъ; 2) курсъ школы долженъ продолжаться не менѣе двухъ зимнихъ учебныхъ сезоновъ, каждый отъ 15 сентября до Вербнаго воскресенія; 3) обучающіеся обязательно ежедневно принимаютъ участіе въ богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ въ назначенной имъ церкви; 4) въ школѣ преподаются: а) богословіе догматическое и нравственное, б) Свящ. Писаніе, в) исторіи Церкви общая и русская въ объемѣ второклассныхъ школъ (къ исторіи присоединяются свѣдѣнія о главнѣйшихъ вѣроисповѣданіяхъ, сектахъ и расколѣ), г) обзорѣніе пастырскихъ обязанностей и ознакомленіе съ церковными канонами и узаконеніями, д) уставъ церковный (практически) и объясненіе церковныхъ службъ, е) руководство къ церковному проповѣдничеству и, наконецъ, ж) руководство къ преподаванію Закона Божія въ школахъ.

Совращенія въ католичество. Газета „Подолія“ сообщаетъ, что по свѣдѣніямъ Могилевской римско-католической духовной консисторіи, въ Могилевской архіепископствѣ перешло за текущій годъ изъ православія въ католичество 20,061 человекъ, большинство изъ нихъ—крестьяне и мелкопомѣстные обыватели. По губерніямъ это число распредѣляется такъ: въ Минской губерніи—13,413 человекъ, въ Витебской губерніи—4,303, въ Могилевской—895, въ Виленской—628, въ Гродненской—187. Изъ остальныхъ губерній наибольшее число переходовъ приходится на С.-Петербургскую губернію—63, наименьшее на Московскую—9.

Духовныя бібліотеки. Преосвященный Серафимъ, епископъ Орловскій, недавно предписалъ городскимъ благочиннымъ сдѣлать соображенія, какимъ образомъ устроить въ городахъ бібліотеки духовно-нравственныхъ книгъ для народнаго пользованія. Одновременно владыка поручилъ и редакціи „Еп. Вѣд.“ начать печатать списокъ образцовыхъ и недорогихъ книгъ и брошюръ, подходящихъ для чтенія народу въ приходскихъ собраніяхъ. Таковой списокъ уже печатается въ „Орлов. Епарх. Вѣдом.“; параллельно съ этимъ спискомъ печатается и списокъ книгъ и брошюръ, подходящихъ для болѣе или менѣе интеллигентныхъ читателей и слушателей, въ особенности по вопросамъ вѣры и жизни, наиболѣе оспариваемымъ въ настоящее время. Последняго рода списокъ можетъ быть полезенъ и духовенству, желающему стоять на уровнѣ современнаго богословскаго знанія и критически разбираться въ современныхъ идейныхъ теченіяхъ.

Должно желать самого широкаго распространенія такихъ библиотекъ. Въ настоящее время сотнями тысячъ идутъ въ народную массу дешевыя брошюрки, картинно и указательно рассказывающія о всѣхъ прелестяхъ социалистическаго строя, призывающія къ жестокой борьбѣ за лучшія матеріальныя блага, за водвореніе земного рая. На ряду съ этимъ только единицами попадаютъ въ народъ книги духовно-нравственныя, говорящія о Богѣ, вѣчной правдѣ, царствѣ небесномъ, нетлѣнныхъ благахъ. Борьба, очевидно, далеко не равная, и исходъ ея не можетъ не тревожить всѣхъ, преданныхъ православной Церкви. Нужно, поэтому, немедленно противопоставить силѣ силу, нужно, какъ можно скорѣе озаботиться широкимъ распространеніемъ религіозно-нравственныхъ книгъ среди народа. Такому распространенію могутъ содѣйствовать, прежде всего, надлежащимъ образомъ поставленныя церковныя библиотеки, постоянно пополняемыя вновь настоящими духовными книгами.

Несомнѣнно, что съ ростомъ такихъ библиотекъ оживится и духовная литература.

Беллетристика въ церковныхъ библиотекахъ. Преосвященный Никонъ, епископъ Вологодскій, обратился къ духовной консисторіи съ слѣдующимъ предложеніемъ: „При разсмотрѣніи проекта правилъ открываемой при одной изъ церквей епархіи бесплатной народной библиотеки усмотрѣно мною, что однимъ пунктомъ сихъ правилъ допускаются въ библиотеку и книги „беллетристическаго характера“, между тѣмъ какъ самая библиотека имѣетъ быть помѣщена въ паперти храма Божія. Подобное замѣтилъ я также при обзорѣ библиотеки одного монастыря, помѣщающейся въ предъалтаріи храма, гдѣ совмѣстно съ книгами религіозно-нравственнаго содержанія, оказалось нѣсколько сборниковъ романовъ и повѣстей. Такая неразборчивость въ составленіи библиотекъ является оскорбительною для святыни храма Божія и можетъ повести къ соблазну для простыхъ душъ вѣрующихъ, надѣющихся получить отъ храма Божія только книги духовно-назидательнаго содержанія. Посему и предлагаю консисторіи объявить духовенству епархіи, чтобы въ открываемыя при церквахъ и монастыряхъ народныя библиотеки пріобрѣтались книги съ особою осмотрительностью религіозно-нравственнаго, историческаго и вообще назидательнаго содержанія и не допускались книги, коихъ уже одно появленіе въ церковной библиотекѣ можетъ соблазнить простыхъ людей“.

Бодрые мертвецы. Крестьянка деревни Лужанки (Лепельскій уѣздъ) получила отъ своего мужа изъ Манчжуріи 600 р. и немедленно же положила деньги въ сберегательную кассу.

Ночью того же дня, къ крестьянкѣ являются трое неизвѣстныхъ лицъ, одѣтыхъ съ ногъ до головы въ бѣлое платье. Появившись въ избѣ, они начали прыгать, свистать и разговаривать между собою на какомъ-то странномъ, непонятномъ для крестьянки языкѣ. Хозяйка дома очень испугалась; принявъ неизвѣстныхъ за мертвецовъ. Дѣйствительно, неизвѣстные гости заговорили вдругъ по-русски, назвали себя мертвецами и потребовали отъ нея деньги, которыя она получила сегодня на почтѣ, говоря: „твой мужъ насъ и нашихъ товарищей убилъ на войнѣ, отнялъ у насъ эти деньги, а теперь думаетъ воспользоваться ими. Нѣтъ, отдай сейчасъ намъ наши деньги; если не отдашь, то мы тебѣ не дадимъ покоя и потребуемъ тебя и мужа къ намъ на тотъ свѣтъ“.

Ужасъ охватилъ крестьянку, и она начала просить ихъ не губить ея и, показавъ имъ книжку, которую она получила на почтѣ, обѣщала принести имъ деньги не позже завтрашней ночи. Послѣ тщательныхъ розысковъ денегъ въ избѣ мертвецы удалились, приказавъ ей никому объ этомъ не говорить.

Слѣша угодить „мертвецамъ“, крестьянка пошла въ городъ за деньгами, но проговорила о происшедшемъ чиновникамъ. Тѣ отговорили крестьянку отъ ея безумнаго намѣренія и сообщили обо всемъ полиціи. Приставъ послалъ въ Лужанку нѣсколько стражниковъ, которые и устроили засаду въ избѣ.

Когда же ночью опять появились мертвецы и потребовали у крестьянки деньги, стражники повыскакали, схватили мертвецовъ и сорвали съ нихъ бѣлые платки, которыми они закрывали себѣ лица. Какое же было изумленіе стражниковъ, когда у нихъ въ рукахъ оказалось все мосовское волостное начальство, а именно: волостной старшина, писарь и староста... Злоумышленниковъ отвезли въ городъ въ участокъ.

Отпаденіе русскаго въ еврейство. Къ преосвященному Димитрію, архіепископу Одесскому и Херсонскому, обратился замѣщающій должность предѣдателя союза русскіхъ людей съ заявленіемъ, что нѣкій Василій Шевченко переходитъ изъ православія въ іудейство, на что получилъ разрѣшеніе отъ мѣстной администраціи.

По наведеннымъ справкамъ архіепископъ узналъ, что дѣло обстоитъ такъ: Шевченко ходатайствовалъ предъ мѣстной администраціей о разрѣшеніи перейти въ іудейство.

Не будучи въ правѣ разрѣшить безъ вѣдома старшихъ церковныхъ властей, администрація обратилась къ преосвященному викарію Димитрію, который и убѣждалъ Шевченко отказаться отъ этого безумнаго желанія принять вѣру тѣхъ, которые распяли Сына Божія Иисуса

Христа, но Шевченко оставался непоколебимъ и мотивировалъ переходъ свой въ іудейство тѣмъ, что онъ возвращается къ отеческой вѣрѣ, что прадѣдъ его былъ еврей. Но намъ сообщаютъ, что всѣ предки Шевченко были православные; такимъ образомъ устраняется и тотъ ничтожный поводъ, которымъ нѣкоторые старались объяснить фактъ безпримѣрнаго отступничества отъ Христа.

Тогда по распоряженію архіепископа въ Срѣтенской церкви, по окончаніи божественной литургіи, объявленъ былъ печальный актъ отлученія отъ православной Церкви бывшаго прихожанина Срѣтенской церкви Василя Шевченко (Власа Швеца), рожденнаго отъ православныхъ родителей и нынѣ, на 30-мъ году жизни, перешедшаго въ іудейство. Передъ началомъ анаематствования (отлученія) протоіерей К. Бречкевичъ обратился къ прихожанамъ храма съ прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ выразилъ скорбь по поводу небывалаго случая отреченія отъ Христа и перехода въ іудейство. Затѣмъ отъ имени высокопреосвященнаго Димитрія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, онъ произнесъ слѣдующее слово: „Несчастный, погибшій отступникъ отъ вѣры Христовой Василій Шевченко отлучается отъ Церкви, отъ общенія въ молитвѣ со всѣми вѣрующими во Христа,—да будетъ анаема! Онъ навсегда лишается благодати Божіей, участія въ прощеніи грѣховъ и спасенія, какое даровалъ Богъ вѣрующимъ черезъ Христа, пострадавшаго и умерщвленнаго руками злыхъ іудеевъ, но Воскресшаго къ славѣ Божіей и для вѣчной, блаженной жизни вѣрующихъ“. Эти слова архіепископа Димитрія, выражающія сущность анаемы (т.-е. отлученія), произвели сильное впечатлѣніе. Послѣ этого о. К. Бречкевичъ пригласилъ присутствовавшихъ помолиться, чтобы Господь Иисусъ Христосъ оградилъ св. православную Церковь отъ такого неслыханнаго позора, чтобы Христосъ укрѣпилъ вѣру и охранилъ cadaго отъ такого паденія и смерти духовной. Затѣмъ всѣми священнослужителями совершенно было молебствіе, которое обыкновенно совершается въ недѣлю Православія.

Отпаденіе произвело страшное возбужденіе среди русскихъ; а публичное отлученіе и молебствіе объ охраненіи вѣры Православной произвело доброе ободряющее впечатлѣніе на православныхъ,

Въ церкви были евреи. Имъ интересно было видѣть и слышать собственными очами и ушами, каковъ „русскій херемъ“.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ жизнь Шевченко въ большой опасности: на его здоровье дурно повліялъ обрядъ обрѣзанія. („Голосъ Русскаго“).

Убіство архимандрита и ограбленіе пустыни. 22 октября, около

10 часовъ вечера, въ отстоящую въ 10 верстахъ отъ станціи Александровъ Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги Лукояновскую общежительную пустынь проникли семь вооруженныхъ револьверами и кинжалами молодыхъ людей. Они ворвались въ настоятельскіе покои, убили о. архимандрита и тяжело ранили его келейника, послѣ чего забрали имѣвшіеся у о. архимандрита деньги и цѣнные вещи, затѣмъ разгромили и разграбили соборную монастырскую церковь и со всѣмъ награбленнымъ благополучно скрылись.

Отеческій призывъ. Присутствующій въ Св. Синодѣ придворный духовникъ, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ минувшимъ лѣтомъ ѣздилъ въ отпускъ и посѣтилъ между прочимъ свою родную Калужскую семинарію, въ которой онъ не былъ со времени ея окончанія въ 1845 году. О. протопресвитеръ имѣлъ въ семинарской церкви, куда собрались всѣ наставники и воспитанники, продолжительную *бесѣду по поводу современныхъ вопросовъ*. Рѣчь восьмидесятилѣтняго старца-протопресвитера обратила на себя всеобщее вниманіе и ея изложеніе не сходитъ нынѣ со страницъ епархіальныхъ вѣдомостей. Прежде всего затронуть былъ вопросъ о современномъ духовномъ образованіи. Выразивъ радость, что на склонѣ дней онъ опять въ родной семинаріи, о. протопресвитеръ съ глубокою любовію и чувствомъ благодарности сталъ говорить о цѣнности семинарскаго образованія. По окончаніи семинарскаго и потомъ академическаго въ С.-Петербургѣ курса о. протопресвитеру вскорѣ пришлось жить и трудиться среди другихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ, но и тамъ, благодаря полученному въ семинаріи и академіи образованію, онъ сознавалъ себя, если не выше, то, во всякомъ случаѣ, не ниже ученыхъ и образованныхъ тамъ людей, и—это сознаніе дала наша духовная школа того времени... Потомъ рѣчь перешла на политическіе вопросы. Съ горечью и негодованіемъ говорилъ о. протопресвитеръ о политическихъ убійствахъ и въ частности объ убійствѣ великаго князя Сергія Александровича, котораго онъ зналъ съ малыхъ лѣтъ его, какъ самоотверженнаго слугу Родинѣ. Сурово осудилъ подобныя убійства старецъ-духовникъ Царственного Дома и высказалъ ту мысль, что ничто такъ не доказываетъ существованія діавола—какъ личнаго злого начала и зла вообще, какъ эти сознательныя убійства завѣдомо невинныхъ и вѣрныхъ слугъ Царя и Отечества. Съ негодованіемъ говорилъ далѣе о другомъ проявленіи злыхъ силъ настоящаго времени—о забастовкахъ не объ экономическихъ, а о какихъ-то бессмысленныхъ профессорскихъ, студенческихъ и ученическихъ. Выяснялъ ихъ полную неумѣстность и вредъ и съ глубокою скорбью остановился вниманіемъ на томъ печальномъ фактѣ, что эти неразумныя и дерзкія забастовки

нашли себѣ мѣсто и въ нашей духовной школѣ: семинаріяхъ и академіяхъ, кои приносятъ только одинъ вредъ и вредъ неисчислимый и невознаградимый для дальнѣйшаго развитія науки и просвѣщенія. О. протопресвитеръ горячо приглашалъ молодыя силы къ научнымъ занятіямъ. О. протопресвитеръ горячо и сочувственно высказался за дарованіе новыхъ правъ и доли участія въ государственной работѣ представителямъ народа и о необходимости этого въ виду невозможности Государя одному съ своими министрами нести это непосильное бремя; но осудилъ крайнее направленіе среди дѣятелей современной эпохи. При этомъ о. протопресвитеръ съ трогательною преданностью своимъ Вѣщеноснымъ духовнымъ Дѣтямъ говорилъ о глубокой религіозности, вѣрѣ, смиреніи, терпѣннѣи и преданности Божьей волѣ и постоянной молитвѣ Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи. Затѣмъ, въ учительской комнатѣ, въ бесѣдѣ съ наставниками семинаріи, о. протопресвитеръ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу замѣчаемаго всюду, въ томъ числѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, упадка интереса къ наукѣ и поразительнаго стремленія сокращать годовой срокъ учебнаго времени. Сопоставляя съ западноевропейскою жизнію, гдѣ часто люди годами трудятся на ученѣмъ поприщѣ, не имѣя казенныхъ окладовъ и тѣмъ не менѣе выпуская въ годъ по нѣскольکو ученыхъ изслѣдованій („Калуж. Епарх. Вѣд.“ № 12).

Необычайное явленіе. Въ мірѣ виѣшнемъ встрѣчаются явленія, трудно объяснимыя человѣческимъ разумомъ. Объ одномъ изъ такихъ явленій имѣю сообщить въ печати, чтобы вызвать людей науки дать положительныя объясненія этого явленія.

Въ селѣ Воронцовѣ Нерехтскаго уѣзда проживаетъ крестьянинъ Григорій Яковлевъ Гусаровъ съ женою и тремя дочерями. Семья прокармливается фабричнымъ заработкомъ. 7-го сентября сего года положеніе семьи Гусарова было таково: хозяйинъ съ хозяйкою и 8-лѣтнею дочерью весь день были дома, двѣ старшія дочери съ 12 часовъ дня и до 6 час. вечера работали на фабрикѣ. Послѣ полудня хозяйка примыла поле въ своемъ домѣ, убралась и причистилась для встрѣчи двенадцатаго праздника. Въ пять часовъ вечера хозяйка замѣтила, что близъ чугуна, стоявшаго на полу у печи, разлита кровь; она въ недоумѣннѣи переводитъ глаза на своего мужа, сидящаго на лавкѣ и говоритъ: „ты не порѣзался ли гдѣ, здѣсь кровь?... да у тебя и ноги все въ крови!“ Мужъ осматривается, не находитъ на себѣ никакихъ поврежденій, но жена не вѣритъ, даетъ ему другую смѣну бѣлья, при чемъ сама свидѣтельствуетъ его, но причинъ появленія крови не находитъ. Происходитъ общая тревога, смотрятъ другъ на друга, и мужъ видитъ, что у

жены всѣ ноги въ крови; затѣмъ, замѣчаютъ появленіе крови подъ опечкомъ, на половищахъ, въ разныхъ мѣстахъ и углахъ хаты, кромѣ передняго. Кровь появляется въ видѣ брызгъ, а затѣмъ мѣстами, увеличиваясь, брызги сливаются и образуютъ сплошную массу крови. Мужъ съ женою стараются отыскать причины такого явленія, осматриваютъ потолокъ, полки, стѣны, слѣзаютъ въ подвалъ, но причинъ нигдѣ не находятъ. Начинаютъ смывать кровь, но она снова показывается всюду и въ большихъ размѣрахъ. Тогда мужъ съ женою зовутъ въ свой домъ сосѣдей; пришло человекъ десять, видятъ ту же самую кровь и сами орошаются ею въ своихъ нижнихъ оконечностяхъ. При сосѣдяхъ свидѣтеляхъ вновь подмываютъ полъ, но кровь продолжаетъ появляться на разныхъ мѣстахъ пола и преимуществу подъ опечкомъ. Объятая страхомъ, хозяйка дома бѣжитъ за мною, рассказываетъ мнѣ о всемъ случившемся, я (признаюсь—съ недоумѣніемъ) иду съ нею къ мѣсту происшествія. Около и въ самомъ домѣ собралось уже человекъ пятьдесятъ односельчанъ. При входѣ въ домъ меня предупреждаютъ быть осторожнымъ, иначе обрызгаюсь кровью. Въ домѣ нахожу все то, что было сообщено мнѣ: кровь разлита въ различныхъ частяхъ пола, не касаясь щелей; въ иныхъ мѣстахъ она легла брызгами, въ другихъ замысловатыми узорами, а то и въ сплошномъ видѣ; всего болѣе ея было подъ опечкомъ: здѣсь я замѣтилъ, что осколокъ горшка вмѣстимостію чайнаго стакана полонъ красной жидкости; но въ щеляхъ пола и подъ поломъ не было ни одной капли. Въ хатѣ запахъ тяжелый, трупный. Я былъ минутъ двадцать; при мнѣ появленія крови вновь не было. Было часовъ шесть вечера. Я велѣлъ снова подмыть всю хату и въ случаѣ появленія крови сообщить мнѣ. По моему уходѣ, хозяева занялись примывкою пола, и когда дѣло шло къ концу, они замѣтили, что около печи появилась кровь и быстро оказалась по всѣмъ частямъ пола, кромѣ передняго угла. Къ этому времени къ дому подошла не одна сотня людей, возвращавшихся съ фабричной работы. Хозяйка дома бѣжитъ опять за мною. Мои семейные вышли къ ней на крыльцо; разспрашиваютъ ее о случившемся; она же, передавая, замѣчаетъ, что въ калашѣ появилась мокрота, снимаетъ калашу съ ноги и выливаетъ не менѣе двухъ чайныхъ стакановъ кровяной жидкости на крыльцо. Жидкость эта была тотчасъ смыта, но кровяные брызги близъ крыльца замѣчаются и по настоящее время.

Взявши ешитрахиль съ требникомъ и святой богоявленской воды, я снова прибылъ къ чудному дому; близъ дома стояла масса народа; окна открыты; обонялся нехорошій, тяжелый запахъ, о чемъ и было заявлено мнѣ изъ среды народной толпы. Въ домѣ оказалось тоже

много народа, лица у всѣхъ смущенныя. Я попросилъ народъ принять со мною участіе въ молитвѣ. Съ колѣнопреклоненіемъ прочиталъ по требнику молитву „О храминѣ стужаемой отъ злыхъ духовъ“, послѣ чего окрошилъ св. водою всю хату и велѣлъ снова все подмывать. Съ огнемъ въ рукахъ сталъ наблюдать я появленія крови на подмытыхъ мѣстахъ, но кровь болѣе не показывалась уже совсѣмъ. Вся комната была подмыта, послѣ чего я еще пробылъ въ домѣ съ полчаса, бесѣдуя съ своими прихожанами о случившемся. Въ общемъ всей кровяной жидкости было смыто не менѣе ведра. На видъ и осязаніе жидкость ни сколько не отличалась отъ крови. Въ народѣ слышался говоръ: „наказаніе Божіе“, „предзнаменованіе“, „поддѣлка“, „порча“ и т. п. Хозяйка дома сидѣла уже на голбчикѣ, слышала она эти разговоры и заявила слѣдующее: „умирать буду, но не забуду, что все это поддѣлалъ Чуркинъ (крестьянинъ того же села). Онъ мнѣ сегодня утромъ грозилъ, что я буду помнить его“. Въ успокоеніе толпы я замѣтилъ: „ни въ какія порчи и поддѣлки я не вѣрю и вамъ всѣмъ не совѣтую вѣрить. Въ мірѣ много есть явленій, для насъ необъяснимыхъ, непонятно для насъ и настоящее происшествіе. Но, будучи православными христіанами, мы должны признавать дѣйствія злого духа въ мірѣ внѣшнемъ. Слышала я, что хозяйка настоящаго дома сегодня утромъ много бранилась со своею сосѣдкою, ссора ихъ доходила до драки, при чемъ имя злого духа упоминалось ежеминутно, были даже и проклятія; а потому возможно, что злой духъ усердной своей служительницѣ пожелалъ проявить свое присутствіе въ настоящемъ происшествіи. Сейчасъ все прошло, мы не видимъ вновь появленія кровяной жидкости, и я предлагаю съ миромъ отправиться всѣмъ по домамъ своимъ, а хозяевамъ безбоязненно оставаться съ настоящимъ домѣ“. Предложеніе мое было принято, и за мною большинство отбыло въ свои дома.

Я просилъ хозяевъ Гусаровыхъ собрать мнѣ въ сосудецъ жидкости, и на другой день они въ рюмкѣ доставили мнѣ ее. 9-го сентября эту кровяную жидкость я лично передалъ врачамъ фабричной больницы села Родниковъ для разслѣдованія. На другой день два врача, заинтересованные рѣдкостнымъ явленіемъ, прибыли на мѣсто происшествія и сообщили мнѣ, что они производили бактериологическое изслѣдованіе представленной мною жидкости, и оказалось слѣдующее: въ жидкости содержатся бактеріи, которыя могутъ выдѣлять изъ себя жидкость въ видѣ крови и иныхъ цвѣтовъ; при чемъ онѣ мгновенно размножаются или увеличиваются. Таковыя бактеріи въ медицинской наукѣ называются „bacterium prodigiosum“. Сырость способствуетъ ихъ распространенію и размноженію. Но опытъ врачей съ нашей бактеріей на сыромъ

картофель не далъ желанныхъ результатовъ, т.-е. размноженія ихъ не оказалось. Не могли врачи объяснить причинъ появленія бактерій въ этой именно хатѣ. Неразрѣшенными остались и многіе другіе вопросы, напр.: почему жидкость кровяная мѣстами появилась въ видѣ брызгъ, почему она являлась въ различныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, а не сплошь, что должно бы быть при послѣдовательномъ размноженіи или увеличеніи ихъ; почему не размножились бактеріи, въ силу своего свойства, въ другихъ домахъ, куда были занесены на орошенныхъ жидкостію одеждахъ посѣтителей. Вотъ вопросы, которые подлежатъ разрѣшенію, если справедливо примѣнять въ настоящемъ случаѣ ученіе науки о бактеріяхъ, мгновенно увеличивающихся и выдѣляющихъ изъ себя жидкость произвольныхъ колеровъ. (Костром. Епар. Вѣд. № 19).

Братскій гимнъ.

Братья, въ дни горя и муки
Нашей отчизны родной
Крѣпче возьмемъ за руки,
Грудью все станемъ одной.

*
**

Вѣрные долгу и чести,
Клятву другъ другу дадимъ —
Стражемъ быть каждый на мѣстѣ,
Возьмемъ по силамъ своимъ.

*
**

Клятву дадимъ неустанно
Богу служить и Тому,
Кто насъ на подвигъ желанный
Къ трону зоветъ Своему.

*
**

Прежде-же, братья, смиренно
Душу крестомъ оградимъ,

Щедрому Богу вселенной
Съ вѣрой мольбу сотворимъ.

*
**

Господи силъ, съ нами буди,
Милость Свою ниспосли,
Братствомъ скрѣпи наши груди,
Нашей молитвѣ внемли.

*
**

Русскаго сердца святини
Ты сохрани въ дни борьбы.

Господи силъ, не отрини
Нашей смиренной мольбы!

*
**

Дай намъ въ напасти терпѣнье,
Будь намъ побѣдою Самъ.

Боже, да увидеть моленье
Наше къ Твоимъ небесамъ *)!

Епископъ Антоній, Тобольскій и Сибирскій.

*) Тоб. Епар. Вѣд. №№ 18—19.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

29 октября.

№. 43.

1906 года.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 2-й день іюня с. г., на награжденіе псаломщика Воскресенской, въ Кадашахъ, церкви г. Москвы Михаила *Любимова* золотою медалью, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ, за 50-лѣтнюю службу.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, отъ 22 сентября с. г. за № 71, за выслугу лѣтъ утверждены въ чинѣ коллежскаго секретаря со старшинствомъ: учителя Аббакумовской второкласеной церковно-приходской школы *Третьяковъ* и *Архангельскій*, оба—съ 1 апрѣля 1902 года и *Постниковъ*—съ 20 августа 1902 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 16 октября с. г. за № 4850, на мѣсто уволеннаго за штатъ благочиннаго священника села Ильинскаго-Воскресенскаго, Серпуховскаго уѣзда, Михаила Успенскаго утверждень въ должности благочиннаго священникъ Воскресенской, села Хатуни, церкви, того же уѣзда, Николай *Сперанскій*.

Постановленіемъ Московскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 11—16 октября с. г., на мѣсто столоначальника 2 стола 1-й экспедиціи Московской Духовной Консисторіи назначень казначей той же Консисторіи надворный совѣтникъ Викторъ *Соколовъ*.

Московскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ назначены депутатами отъ духовенства въ Уѣздныя Земскія Собранія: благочинный Коломенскаго Успенскаго собора протоіерей Александръ *Лебедевъ*—въ Коломенское и благочинный Подольскаго Троицкаго собора священникъ Сергій *Левкіевскій*—въ Подольское.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 18 окт. с. г. за № 4875, разрѣшено монаха Николо-Пѣшношскаго монастыря *Митрофана* рукоположить въ санъ іеродіакона.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 19 окт. с. г. № 4901, благочиннымъ церковей Ивановскаго сорока г. Москвы назначенъ протоіерей Московской Никитской, въ Басманной, церкви Митрофанъ *Геликонскій*.

О п р е д ѣ л е н ы :

1) На вакансію священника къ Успенской, с. Мышкина, церкви, Можайскаго уѣзда, псаломщикъ Московской Николаевской, въ Кобыльскомъ, церкви Алексѣй *Муравьевъ*, 14 октября.

2) На вакансію псаломщика къ Московской Покровской, во Внуковской богадѣльнѣ, на Бутыркахъ, церкви окончившій курсъ Московской дух. семинаріи Николай *Лебедевъ*, 14 октября.

3) На вакансію священника къ Покровской, погоста Никольскаго, при рѣкѣ Лутоснѣ, церкви, Клинскаго уѣзда, студентъ семинаріи Василій *Соколовъ*, 18 октября.

4) На штатную діаконскую вакансію при Предтеченской, села Ивановскаго, на Ламѣ, церкви, Волоколамскаго у., псаломщикъ той же церкви Сергій *Горскій*, 18 октября.

5) На вакансію псаломщика къ Московской Знаменской, на Знаменкѣ, церкви окончившій курсъ Московской дух. семинаріи Иванъ *Архангельскій*, 18 октября.

П е р е м ѣ щ е н ы :

1) На вакансію священника при Богородицерождественской, погоста Сельца, церкви, Бронницкаго уѣзда, священникъ села Воскресенскаго, того же уѣзда, Викторъ *Соловьевъ*, 16 октября.

2) Въ число братства Лужецкаго монастыря іеродіаконъ Сѣвской Богородицкой Площанской пустыни, Орловской епархіи, *Пименъ*, 16 октября.

3) Псаломщикъ Спасской, с. Спасскаго-Манухина, церкви, Московскаго уѣзда, Иванъ *Бажановъ* и псаломщикъ Знаменской, с. Дубровиць, церкви, Подольскаго уѣзда, Сергѣй *Бажановъ*—одинъ на мѣсто другого, 14 октября.

Уволенъ за штатъ:

Псаломщикъ Никольской, с. Подмошья, церкви, Дмитровскаго уѣзда, Петръ *Горскій*, согласно прошенію, 18 октября.

НАГРАДЫ.

Священникъ Воскресенской, с. Хатуни, церкви, Серпуховскаго уѣзда, Николай *Сперанскій*, за прохожденіе должности духовнаго слѣдователя и исправленіе благочинническихъ обязанностей съ 1 февраля сего года, Его Высокопреосвященствомъ 16 сего октября награжденъ скуфьею.

Казначей Коломенскаго Троицкаго Новоголутвина монастыря іеромонахъ *Кронидъ* Его Высокопреосвященствомъ 18 октября с. г. награжденъ набедренникомъ.

Измѣненія и дополненія Устава Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанницамъ Московскаго епархіальнаго Филаретовскаго женскаго училища.

1) Наименованіе Общества: Общество вспомошествованія *настоящимъ* и бывшимъ воспитанницамъ Московскаго Филаретовскаго епархіальнаго женскаго училища.

2) § 1. Общество имѣетъ цѣлью попеченіе о недостаточныхъ лицахъ, какъ состоящихъ, такъ и бывшихъ воспитанницами Московскаго Филаретовскаго епархіальнаго женскаго училища.

3) § 4. Съ ходатайствомъ о вспомошествованіи родители, или лица, ихъ замѣняющія, и бывшія воспитанницы непосредственно сами обращаются или въ Правленіе Общества, или чрезъ начальство училища.

3) § 14—дополняется примѣчаніями 2 и 3, такъ что весь параграфъ представляется въ такомъ изложеніи:

Всѣ поступающія въ Общество суммы, по назначенію своему, подраздѣляются на капиталы неприкосновенный и расходный.

Примѣчаніе 1. Независимо отъ сего Обществу предоставляется образовывать, согласно постановленію общаго собранія его членовъ, запасный и спеціальныи капиталы. Образуемые въ такомъ случаѣ спеціальныи капиталы состояются изъ пожертвованій, дѣлаемыхъ со строго опредѣленною цѣлью, и отчисленій изъ общихъ доходовъ Общества, если то будетъ признано необходимымъ Общимъ собраніемъ.

Примѣчаніе 2. Пожертвованія въ пользу бывшихъ воспитанницъ составляютъ особый спеціальныи капиталъ. Пособія бывшимъ воспитанницамъ выдаются исключительно изъ этого капитала. Пособія эти возвращаются по мѣрѣ возможности.

Примѣчаніе 3. Изъ выдаваемыхъ пособій получающія ихъ имѣютъ жертвовать не менѣе 5⁰/₁₀ въ пользу недостаточныхъ учащихся воспитанницъ.

Отъ Московскаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Объявляется для руководства отцамъ благочиннымъ, а равно опекунамъ и попечителямъ надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними дѣтьми умершихъ священно-церковно-служителей Московскои епархіи, что полученіе пенсіонныхъ денегъ изъ казначейства для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, воспитывающихся не на счетъ казны, т. е. не на средства Государственнаго казначейства, возлагается на ихъ опекуновъ и попечителей по удостовѣреніямъ Попечительствомъ ихъ личностей и правъ на полученіе и ими же вносятся на книжки Государственной сберегательной кассы на имя владѣльцевъ пенсій.

Содержаніе: Высочайшая награда. Высочайшій приказъ.—Распоряженіе епархіальнаго начальства.—Награды.—Измѣненія и дополненія Устава Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанницамъ Московскаго епархіальнаго Филаретовскаго женскаго училища.—Отъ Московскаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъковъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.

Типографія И. Ефимова, Бол. Якиманка, собственный домъ.